

В. Чернов

Книгоиздательство „Новое Товарищество“.

Библиотека подъ ред.: Н. Максимова, С. Нечетнаго, И. А. Рудина и Ф. Дѣдова.

Викторъ Черновъ.

16

Крестьянинъ и рабочій, какъ экономическія категоріи.

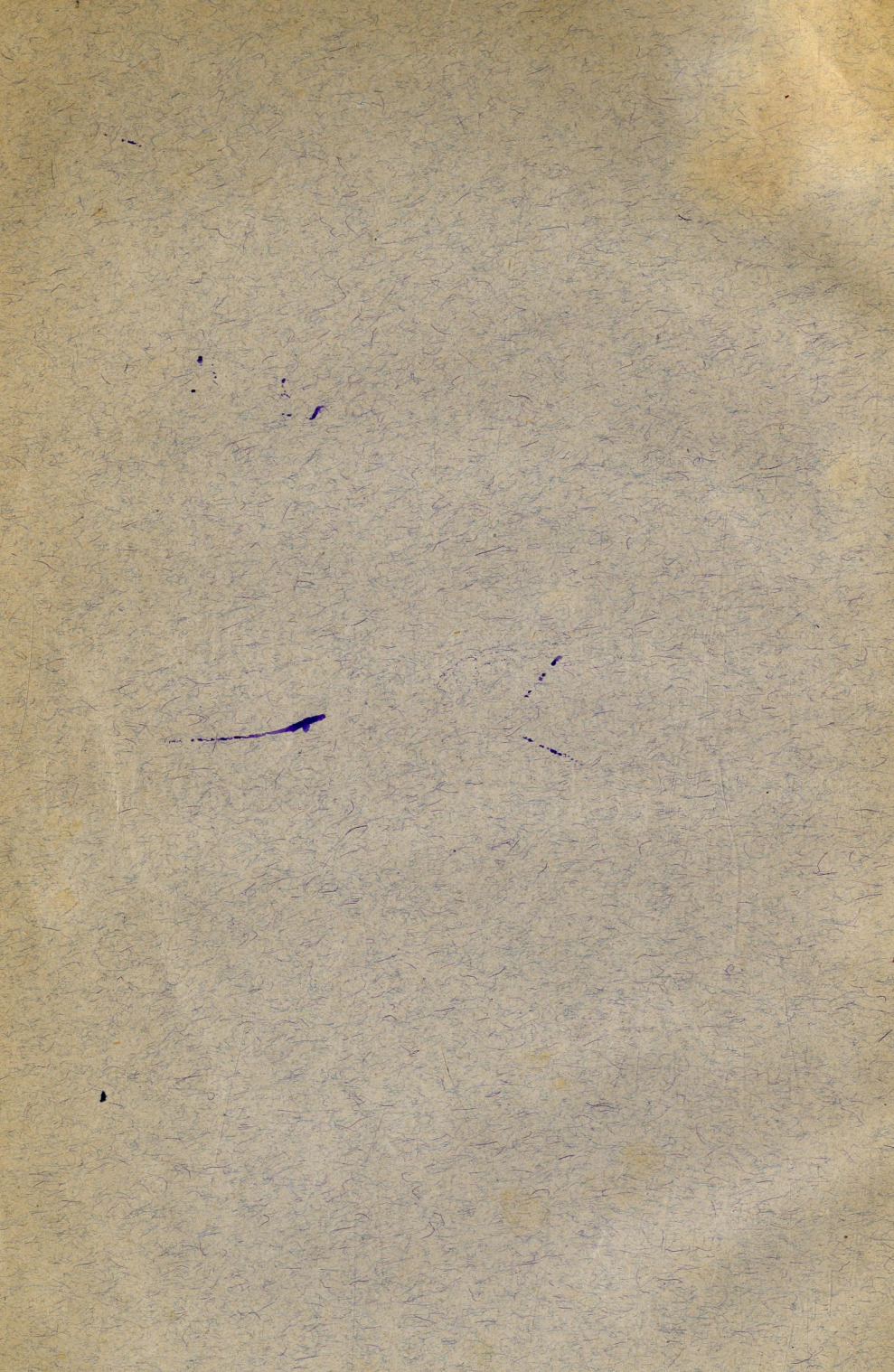
Третье изданіе.

Цѣна 15 коп.

МОСКВА.—1906.

Типо-литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.

Чистые пруды, Мильниковъ переул., собств. домъ.

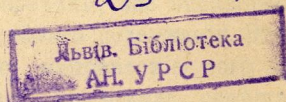

КРЕСТЬЯНИНЪ и РАБОЧІЙ,

23 317

КАКЪ

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ КАТЕГОРІИ.

~~08229~~

В. Черновъ.

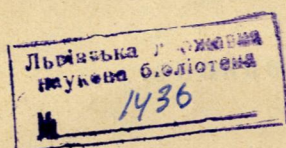

св: см. 21, ссеп
1973, 4. II
Aug 15-1951

МОСКВА.

Типо-литографія „Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла“.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., собственный домъ.

1906.

Въ семидесятые годы въ русской литературѣ былъ выставленъ одинъ широкій принципъ, который, будучи положенъ во главу угла общественнаго міросозерцанія того времени, все окрашивалъ собою, всему придавалъ печать своего идейнаго содержанія. Этотъ руководящій принципъ давалъ передовому направленію того времени основную точку зрѣнія, съ которой надлежало освѣщать явленія жизни. Онъ былъ тою красною нитью, которая проходила черезъ міросозерцаніе передовыхъ людей того времени и связывала всѣ ихъ отдѣльные взгляды, стремленія, убѣжденія, симпатіи и антипатіи въ одно стройное, цѣлостное зданіе.

Интересы личности, или, конкретнѣе, интересы труда, или, еще конкретнѣе, интересы народа, какъ совокупности трудящихся классовъ — таково было внутреннее содержаніе этого принципа.

Съ точки зрѣнія интересовъ личности, свобода, самостоятельность, активность и счастье которой мыслимы единственно при условіи гармоничнаго развитія всѣхъ ея силъ и способностей, — оцѣнивалось такъ или иначе значеніе всего того, что стояло или что старались поставить выше этой личности, надъ нею. Понятія общества, національности, отечества, семьи, государства предстали въ новомъ свѣтѣ съ точки зрѣнія теоріи „борьбы за индивидуальность“. Безусловное значеніе, абсолютная справедливость, наука для науки, искусство для искусства, — все это было совлечено со своихъ пьедесталовъ и призвано къ новой роли — служителей развитія и достоинства личности на тернистомъ пути все той же ея „борьбы за индивидуальность“.

Но реализація этого гармоническаго развитія, дѣйствительное развитіе и проявленіе всѣхъ силъ и способностей, дремлющихъ въ человѣкѣ, заключается только въ одномъ: въ упражненіи, въ трудѣ. Безъ упражненія, безъ труда наступаетъ атрофія человѣческихъ силъ; при трудѣ, односторонне направленномъ, при трудѣ, ненормально обставленномъ — та же атрофія однихъ способностей при гипертрофіи другихъ. Расчистить дорогу цѣлесообразному и плановому труду, обезпечить его нормальное функціонирова-

нѣ, создать для него нормальныя условія, словомъ, ограждать интересы труда—такова была практическая задача, продиктованная теоріей „борьбы за индивидуальность“. Трудъ и развитіе—двѣ стороны одной и той же медали. Способность всесторонне развиваться въ трудѣ и посредствомъ труда вмѣстѣ съ другими индивидами и ради нихъ и себя самого—такова была основная, чисто-человѣческая черта, тенденція личности, принятая подъ свое покровительство новой теоріей. И въ то же время эта тенденція была признана единственной, къ которой вполнѣ подходило имя *общечеловѣческой*. Интересы труда не создавали никакой новой монополіи, никакой привилегіи, никакого несправедливаго изъятія въ средѣ чловѣчества. Способность трудиться присуща всякому. Въ нормальномъ, разностороннемъ трудѣ—залогъ развитія, самостоятельности индивида, залогъ его счастья. Итакъ, интересы личности въ болѣе конкретной формулировкѣ сводились къ интересамъ *труда*.

Интересы труда, въ еще болѣе конкретной формулировкѣ, сводились, далѣе, къ интересамъ живыхъ его носителей. Это не была постановка, замѣна широкаго, общечеловѣческаго понятія болѣе узкимъ. Это не было выдѣленіе какой-нибудь узкой группы,—сословія или класса,—съ ея специальными, исключительными интересами. Это была простая жизненная необходимость. Борясь за извѣстную идею, извѣстный принципъ, необходимо приходится бороться за ихъ конкретное воплощеніе. Защищая интересы труда, необходимо защищать живыхъ носителей этого труда,—но защищать не больше и не меньше, какъ такихъ носителей. Ровно постольку, поскольку индивидъ—будь то „воинъ, купецъ или пастиухъ“—является воплощеніемъ данной категоріи — труда, — онъ имѣетъ право на защиту своихъ интересовъ. При этомъ одинъ индивидъ со своими интересами можетъ быть болѣе или менѣе чистымъ воплощеніемъ этой категоріи, болѣе или менѣе свободнымъ отъ другихъ наслоеній. Учитель, адвокатъ, чиновникъ, ремесленникъ, купецъ, солдатъ — тоже въ извѣстномъ отношеніи люди трудящіеся, слѣдовательно, и они одной стороной своего существа входятъ въ понятіе „народа, какъ совокупности трудящихся классовъ“. Но къ этой сторонѣ у нихъ прибавляется другая, которой, напротивъ, они выходятъ, выдѣляются изъ понятія „народа“. И понятно, что чѣмъ болѣе интересы той или другой общественной группы покрываются интересами труда, тѣмъ болѣе они заслуживаютъ, съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность, положительнаго къ себѣ отношенія; и, наоборотъ, чѣмъ менѣе интересы группы покрываются интересами труда, чѣмъ болѣе они отдѣляются отъ послѣднихъ—тѣмъ болѣе они заслуживаютъ отношенія *отрицательнаго*.

Такъ какъ для историческаго момента, о которомъ шла рѣчь, всѣ прочіе виды труда количественно совершенно тонули въ трудѣ огромной сермяжной массы крестьянства, то именно интересы этой общественной группы заняли первенствующее мѣсто въ міросозерцаніи „людей семидесятыхъ годовъ“. Само по себѣ міросозерцаніе было достаточно широко, чтобы примѣняться ко всякимъ мѣняющимся условіямъ жизни. Выдвигать на первый планъ крестьянство, классъ непосредственныхъ производителей, еще владѣющихъ средствами производства, еще не разлученныхъ съ ними — принуждала, конечно, не теорія, не то или иное абстрактное соображеніе, а сама жизнь, ея данное, конкретное содержаніе. И само собой разумѣется, что крестьянство бралось здѣсь не какъ сословная единица, не какъ культурная группа, а лишь какъ трудящаяся масса и поскольку она была такой трудящейся массой.

Таково было это стройное общественное міросозерцаніе, выдвинутое русской интеллигенціей 70-хъ годовъ, міросозерцаніе „Отечественныхъ Записокъ“, блиставшее именами Некрасова, Щедрина, Елисѣева, Успенскаго, Михайловскаго... Само собой понятно, что оно не могло встрѣтить особенно дружественнаго пріема въ тогдашней литературѣ. Его опредѣленность и безпошадная послѣдовательность не могла не плодить ему множество враговъ. Но оно было силой, могущественной идейной силой, которую многіе могли ненавидѣть, но которой трудно было до извѣстной степени не подчиняться. Къ величайшему ужасу бельэтажей русской литературы, въ ней повсюду „запахло мужикомъ...“ Русская жизнь такъ сложилась, что не могла выдвинуть въ противовѣсъ данному идейному направленію никакого другого, которое бы могло „на поприщѣ ума“ хоть сколько-нибудь состязаться съ нимъ. Всѣ теченія, добровольно или вынужденно, должны были подлаживаться къ нему, пѣть — искренно или фальшиво — въ унисонъ съ нимъ. „Народъ“ до извѣстной степени окрасилъ собою постепенно даже солидное западничество „Вѣстника Европы“; „народъ“, въ качествѣ мистическаго идола, написала на своемъ знамени начавшая „народничать“ „Недѣля“; къ „народу“, съ той или другой стороны, пробовали пристроиться и разные обскуранты, наскоро перекрасивъ въ новый цвѣтъ полинявшіе обрывки стараго славянофильскаго знамени; наконецъ, явилась даже пресловутая маргаринова „народная политика...“

Все это отошло теперь въ область преданій. И тяжелый кризисъ восьмидесятыхъ годовъ, и жадная погоня за новыми знаменами — девяностыхъ, и современный умственный разбродъ, съ растущей, но еще не заявившей властно о себѣ, потребностью единенія, соглашенія — сняли со всевозможныхъ литературныхъ

подворотень и лавочекъ тяжелую и несвойственную имъ повинность прикрываться какими-то идейными вывѣсками. Обскуранты откровенно объявились обскурантами; нѣкогда, усердно пытавшаяся перенародничать всѣхъ народниковъ „Недѣля“ храбро провозгласила теорію „малыхъ дѣлъ“, „свѣтлыхъ явленій“ и „примиренія съ дѣйствительностью“. Самое слово „народная политика“ такъ же быстро провалилось сквозь землю, какъ быстро—хотя и неужюже—вылѣзло прежде на свѣтъ Божій подъ вліяніемъ извѣстныхъ событій. Потеря, конечно, небольшая, и плакать рѣшительно тутъ не о чемъ. Но все это—маленькіе симптомы кое-чего большаго, а прежде всего—идейной разрозненности, царящей теперь въ передовыхъ рядахъ нашей литературы.

Старое, славное знамя семидесятыхъ годовъ, донесенное до нашего времени „последнимъ изъ могиканъ“ той эпохи, недавно сошедшимъ въ могилу Н. К. Михайловскимъ, вышедшее незапятнаннымъ изъ всѣхъ столкновений и трудныхъ моментовъ пережитаго прошлаго, въ настоящее время подвергается нападеніямъ критики съ другой стороны. Говорятъ, что понятіе „народа, какъ совокупности трудящихся классовъ“, не можетъ болѣе оставаться во главѣ угла современнаго міросозерцанія, что оно слишкомъ широко и неопредѣленно, что оно должно быть замѣнено другимъ понятіемъ, болѣе узкимъ, но зато и болѣе опредѣленнымъ понятіемъ „пролетаріата“. Самая огромная общественная группа, занимавшая центральное мѣсто въ прежнемъ понятіи „народа“, именно крестьянство, классъ непосредственныхъ производителей—земледѣльцевъ, совершенно оттѣсняется, исключается... Единственно интересы труда, уже отлученнаго отъ средствъ производства, признаются заслуживающими положительнаго отношенія; всѣ остальные интересы признаются лишь постольку, поскольку они совпадаютъ съ интересами отлученнаго отъ средствъ производства труда съ интересами чистыхъ пролетаріевъ.

Дѣйствительно ли нужна эта поправка? Дѣйствительно ли слѣдуетъ предпочесть старой широкой формулировкѣ болѣе узкую? Мы попытаемся въ настоящей статьѣ дать посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, подробно разсмотрѣвши аргументацію сторонниковъ болѣе узкой формулировки, разобравъ ее шагъ за шагомъ, доводъ за доводомъ. Наиболѣе полно, обстоятельно и доказательно изложена эта аргументація въ извѣстной новой нѣмецкой книгѣ „Die Agrarfrage“ Каутскаго, гдѣ ей посвящена специальная глава „Bauer und Proletariat“ *). Авторитетъ и талантливость автора,

*) Есть уже нѣсколько переводовъ этой книги Каутскаго на русскій языкъ, но мнѣ не попалось на глаза ни одного, и я не знаю, переведена ли данная глава въ какомъ-нибудь изъ этихъ переводовъ.

живость и ясность его изложенія, необычайное умѣніе стройно располагать и систематически развивать свои доводы, дѣйствуя на умъ читателя не только внутренней сплю, но и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлостностью и симметричностью всего построения—все заставляетъ насъ остановиться на этой книгѣ, какъ лучшемъ, классическомъ образцѣ мотивировки того суженія формулы, о которомъ шла рѣчь выше.

Въ Германіи однимъ изъ ярыхъ противниковъ принципиально различнаго отношенія къ пролетарію и къ крестьянину является Фольмаръ. Основанія этого его взгляда очень просты. „Изъ общаго числа хозяйствъ,—говоритъ онъ,—круглымъ счетомъ $\frac{9}{10}$ мы должны отнести къ разряду самостоятельныхъ, независимыхъ труженниковъ-хозяевъ (по-нѣмцеи это хорошо выражается однимъ словомъ—*der Selbstwirthschafter*), которые обрабатываютъ свою землю трудами собственныхъ рукъ и рукъ своихъ домашнихъ, своего семейства. Эти крестьяне въ хозяйственномъ смыслѣ отличаются отъ современнаго пролетаріата лишь тѣмъ, что они все еще обладаютъ своими собственными средствами производства. Но это обладаніе, эта собственность, которая поκειται на нераздѣльности независимо трудящагося индивида и средствъ его труда, существеннымъ образомъ отличается отъ капиталистической формы собственности, которая по самому существу своему поκειται на эксплуатаци чужого труда. Страданія этихъ крестьянъ по существу одинаковы съ страданіями наемныхъ рабочихъ; причины ихъ лежатъ въ томъ фактѣ, что въ области сельскаго хозяйства все болѣе и болѣе совершается вторженіе капиталистической эксплуатации. Чистый доходъ сельскаго хозяйства все болѣе и болѣе переходитъ въ руки капитала; тѣмъ самымъ крестьянинъ спускается на степень данника, раба, простого управляющаго или приказчика повелителя—капитала“ *). Такимъ образомъ, для Фольмара различія между крестьянами и рабочими—различія, въ значительной степени чисто внѣшнія, формальныя,—кажутся мало существенными, существенно же *сходство* ихъ соціологическаго мѣста въ современномъ хозяйственномъ строѣ, отношеніе этого строя къ ихъ нуждамъ и потребностямъ. Поэтому онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что то міросозерцаніе, которое онъ раздѣляетъ вмѣстѣ со своими товарищами, не должно быть „узкой партійной доктриной пролетаріата“, „индустріальныхъ наемныхъ рабочихъ“, а должно выражать интересы и стремленія „всего трудящагося *народа* (*des ganzen werkhäthigen Volkes*)“.

*) См. его „Handbuch für Landtagswähler“, изд. баварскаго Landesforstand'a. Nürnberg, 1899.

„Правда, Фольмаръ—бернштейнианецъ и даже, можетъ быть, правильнѣе было бы сказать, что Бернштейнъ—„фольмаріанецъ“. Но что касается до даннаго взгляда его, то тотъ же самый взглядъ былъ представленъ въ литературѣ и самымъ крайнимъ антагонистомъ бернштейнианства—покойнымъ Либкнехтомъ. „Идею рабочаго класса“—писалъ онъ, между прочимъ, въ своей недоконченной брошюрѣ, появившейся уже посмертнымъ изданіемъ, на страницахъ центрального органа его партіи—„не должно понимать слишкомъ узко... Подъ рабочимъ классомъ мы понимаемъ всѣхъ тѣхъ, кто живетъ исключительно или главнымъ образомъ отъ продуктовъ собственнаго труда и кто не обогащается на счетъ чуждаго труда“. Что касается трудового общественнаго идеала, то онъ, „сведенный къ пролетаріату наемнаго труда, неспособенъ побѣдить; но его побѣда обезпечена, если онъ понятъ совокупностью трудящагося народа и цвѣтомъ націи—умственнымъ и моральнымъ ея цвѣтомъ“.

Противъ этой системы взглядовъ и направляется аргументація Каутскаго. „Нельзя отрицать, говоритъ онъ, что уровень благосостоянія типичнаго современнаго крестьянина—пролетарскій и даже, можно сказать, подъ-пролетарскій. Однако же этимъ отнюдь еще не сказано, что его классовые интересы—пролетарскіе“. Соединеніе людей въ группы съ сознаннымъ общностью интересовъ вовсе не является простою функціей одинаковой обезпеченности или необезпеченности. Нѣтъ, лишь роль данныхъ лицъ въ хозяйственной системѣ общества, тѣ отношенія къ себѣ подобнымъ и къ чужимъ, которыя вытекаютъ для нихъ изъ самаго положенія въ производствѣ—вотъ что является здѣсь основнымъ опредѣляющимъ моментомъ. Короче говоря, нужно рѣшить вопросъ, что такое крестьянство и пролетаріатъ, какъ *экономическія категоріи*? Каковы тѣ основные хозяйственные признаки, которые диктуютъ рабочимъ поведеніе, характеризующее ихъ, какъ совершенно новый элементъ всемірной исторіи? Есть ли эти признаки у крестьянъ? Если есть, то, очевидно, нѣтъ никакого основанія противопоставлять другъ другу крестьянъ и пролетаріевъ, какъ различные *классы*; если нѣтъ,—то столь же очевидно *a priori*, что крестьяне должны понимать свои интересы совершенно не такъ, какъ наемные рабочіе, и видѣть ихъ удовлетвореніе не въ одномъ и томъ же. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Каутскій и пытается дать такое опредѣленіе „пролетаріату“, чтобы пропасть, отдѣляющая его отъ крестьянства, вырисовалась съ возможно большею рѣзкостью и очевидностью. Мы попытаемся критически разобрать шагъ за шагомъ всю его аргументацію.

Каутскій находитъ всего *четыре* признака, характеризующихъ пролетаріатъ, какъ особую экономическую категорію новаго времени.

I. Первый признакъ *современнаго* пролетаріата—это важная роль, которую играет онъ въ производствѣ. На немъ покоится все господствующее нынѣ капиталическое производство. Этимъ онъ отличается, какъ небо отъ земли, отъ Lumpenproletariat'a стараго и „*новаго времени*“ (курсивъ нашъ).

Замѣтимъ прежде всего, что Каутскій незамѣтно съуживаетъ понятіе „современнаго“ пролетаріата. Онъ пользуется двойственнымъ значеніемъ слово „современный“. Начавъ съ того, что заговорилъ просто о пролетаріатѣ современной намъ эпохи, Каутскій кончаетъ выдѣленіемъ изъ общей массы вынѣшняго пролетаріата, „современнаго“ пролетаріата въ субъективномъ смыслѣ и значеніи этого слова—въ томъ же смыслѣ, въ какомъ „настоящій“ употребляется не какъ синонимъ *нынѣшняго*, а какъ синонимъ *истиннаго*, подлиннаго, первосортнаго. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, напр., лондонскій Lumpenproletariat, въ томъ видѣ, какъ описываютъ его побывавшіе „въ трущобахъ Англіи“—не есть типическій „продуктъ послѣдняго столѣтія“? Развѣ прежнія хозяйственные формаціи знали такого рода Lumpenproletariat, рекрутирующийся изъ „деклассированныхъ“ разныхъ слоевъ и особенно изъ „избыточной рабочей арміи“,—въ качествѣ массоваго явленія? А если нѣтъ, то какое основаніе имѣетъ Каутскій давать понятію „современнаго пролетаріата“ съуженное опредѣленіе, подѣ которое не подходитъ значительный слой современнаго городского пролетаріата? Объективно-логическаго основанія нѣтъ никакого, есть лишь субъективно-психологическое: Lumpenproletariat для марксиста хоть Ѳедотъ, да не тотъ, хоть и пролетаріатъ, да не „настоящій“, не „истинный“, не „современный“—проще и откровеннѣе говоря, просто не такой пролетаріатъ, на которомъ покоятся виды и расчеты марксистовъ. Отмѣтимъ также, что „важная роль въ производствѣ“, характеризуя, съ одной стороны, не всѣ виды пролетаріата, съ другой стороны, является признакомъ, общимъ для нѣкоторыхъ слоевъ пролетаріата съ непосредственными производителями—крестьянами. Современный капиталистическій порядокъ, съ его торговымъ, кредитнымъ и ростовщическимъ капиталомъ, съ его крупнымъ землевладѣніемъ и системой налоговъ тоже существеннымъ образомъ „покоится“ на трудѣ крестьянъ, который эксплуатируется имъ различными прямыми и косвенными путями.

II. Важная роль „современнаго“ пролетаріата въ производствѣ обуславливаетъ и другой признакъ, отличающій его отъ Lumpenproletariat'a. Первый вовсе не является въ такой степени „неимущимъ“, какъ второй. Первый является „неимущимъ“ лишь по отношенію къ *средствамъ производства*, что вовсе не предполагаетъ непременно бѣдности средствами существованія,—она мо-

жетъ быть, можетъ и не быть. Второй—наоборотъ; онъ страдаетъ отъ недостатка средствъ потребленія, отъ хроническаго недоѣданія, и эти страданія стоятъ для него на первомъ планѣ, заслоняя отъ него совершенно вопросъ объ отсутствіи средствъ производства. „Современный наемный рабочій остается пролетаріемъ, пока онъ не владѣетъ условіями своего производства, хотя бы его положеніе, какъ потребителя, было вполне удовлетворительно, хотя бы даже, какъ потребитель, онъ былъ имущимъ, т.-е. былъ собственникомъ мебели, украшеній, даже домика для своего жилья“. Его стремленіе улучшить свое положеніе „простокается не изъ его бѣдности, а изъ противоположности между нимъ и владѣльцемъ его средствъ производства“.

Къ этому пока мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Каутскій, въ иныхъ отношеніяхъ крайне строго намѣчающій границы, виѣ которыхъ человѣкъ уже не имѣетъ права на титулъ „современнаго пролетарія“, здѣсь оказывается довольно снисходительнымъ. Наемный рабочій оказывается „пролетаріемъ“ даже тогда, если онъ—домовладѣлецъ, предполагая лишь, что домъ служитъ ему не для полученія ренты путемъ отдачи его въ наемъ, а для собственного пользованія. Это все прекрасно, но вотъ рядъ вопросовъ, которые возникаютъ при этомъ. Ну, а если у рабочаго есть огорокъ, тоже служащій для цѣлей потребленія его семьи,—останется ли онъ пролетаріемъ? Очевидно, да, ибо какъ потребитель,—онъ можетъ быть „имущимъ“. Да и какая, въ самомъ дѣлѣ, разница между собственностью на домикъ и собственностью на огорокъ? Но если онъ можетъ имѣть огорокъ, оставаясь при этомъ „современнымъ пролетаріемъ“, то отчего бы вмѣсто огорода ему нельзя было имѣть клочка земли, засѣяннаго рожью—если, опять-таки, эта рожь служитъ ему для собственного потребленія? Мы хотимъ этимъ сказать, что положеніе—„какъ потребитель, пролетарій можетъ быть въ то же время имущимъ“ или достаточно растяжимо, чтобы включить въ себя и крестьянина,—особенно живущаго натуральнымъ хозяйствомъ,—или же страдаетъ съ самаго начала внутреннимъ противорѣчіемъ и потому цѣлкомъ должно быть отвергнуто. Это соображеніе еще пригодится намъ ниже.

III. Третій пунктъ отличія „современнаго пролетаріата“ отъ другихъ слоевъ „труждающагося и обремененнаго“ народа состоитъ въ слѣдующемъ. „Пролетарій является работникомъ не на индивидуальныхъ, а на общественныхъ средствахъ производства, на средствахъ производства, сосредоточенныхъ въ такихъ размѣрахъ, что пользоваться ими, употреблять ихъ въ дѣло можетъ не рабочій-одиночка, а только цѣлое общество рабочихъ“.

Здѣсь Каутскому можно было бы указать, что и самостоя-

тельные, непосредственные производители, поскольку они объединяются на почвѣ различныхъ коопераций и ассоціаций, также становятся „работниками на общественно-сосредоточенныхъ средствахъ производства“, слѣдовательно, данный признакъ не исключительно присущъ пролетаріату. Каутскій предвидитъ это указаніе и заранее старается предупредить его. „При господствѣ частной собственности на средства производства—говоритъ онъ—кооперативная собственность на нихъ никогда не можетъ сдѣлаться всеобщей формой собственности; и всѣ попытки въ этомъ направленіи, какъ скоро онѣ оказываются удачными, рано или поздно принимаютъ буржуазно-капиталистическое направленіе“. Это отголосокъ стараго взгляда на кооперативное движеніе, какъ на палліативъ, въ извѣстномъ отношеніи даже вредный: кооперации улучшаютъ положеніе небольшихъ группъ рабочихъ, поднимаютъ ихъ надъ положеніемъ своего класса, вмѣсто того, чтобы повышать разомъ общій классовый уровень; чѣмъ удачнѣе такая попытка, чѣмъ выше поднялась данная группа надъ общимъ жизненнымъ уровнемъ своего класса, тѣмъ больше для нея опасности выродиться въ привилегированную группу, въ своего рода рабочую аристократію. Само собой понятно, что подобный аргументъ можетъ быть выставленъ и противъ всякой частичной стачки, противъ всякаго рода синдикатовъ и коалицій *). Смѣлое утвержденіе Каутскаго о какой-то внутренней неизбѣжности буржуазнаго вырожденія всякихъ коопераций было бы, по крайней мѣрѣ, понятно въ концѣ многотомнаго фактическаго и статистическаго изслѣдованія реальной исторіи кооперативнаго движенія,— исторіи, пока еще не завершенной; исторіи, послѣднимъ шагомъ которой пока является замѣтное сближеніе между кооперацией и коллективизмомъ (бельгійское движеніе, многіе опыты во Франціи, въ родѣ извѣстнаго стекляннаго завода въ Альби, въ Швейцаріи, въ родѣ Бирсекскаго товарищества etc.). Здѣсь аргументировать столь смѣлыми догматическими и апріорными пророчествами значитъ доказывать одно сомнительное положеніе другимъ, еще болѣе сомнительнымъ, а это приѣмъ, врядъ ли особенно научный.

Съ другой стороны, не только есть независимые, самостоятельные производители, работающіе на общественно-сосредоточенныхъ средствахъ производства; есть и пролетаріи, работающіе на индивидуальныхъ, мелкихъ средствахъ производства, какъ, напр., почти всѣ пролетаріи художественной промышленности Франціи, работающіе въ мелкихъ ateliers. Всѣ они по Каутскому, „не современны“, не „настоящіе“ пролетаріи! Не на „общественно-со-

*) Только проблематическая grève générale и свободна отъ такого упрека, но къ ней-то какъ разъ и относятся съ наибольшими сомнѣніями марксисты.

средоточенных“ средствах производства работает и громадное большинство пролетаріевъ умственного труда.

IV. „Наконецъ,—говорить Каутскій,—есть еще четвертый характеристическій признакъ современнаго пролетаріата... это его отдѣленіе отъ домашняго обихода своего патрона. Наемные рабочіе прежнихъ временъ, по общему правилу, представляли изъ себя простой придатокъ домашняго обихода работодателя; они составляли принадлежность его семейства, его дома, не только какъ рабочіе, но и какъ люди; они и внѣ работы были ему подвластны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Современный наемный рабочій принадлежитъ внѣ работы только себѣ самому. Онъ тѣмъ болѣе дѣлается свободнымъ человѣкомъ и противостоитъ внѣ работъ своему капиталисту, какъ равный равному, чѣмъ болѣе развивается капиталистическій способъ производства и устраняетъ феодальныя переживанія“.

Во-первыхъ, очевидно, что такимъ образомъ изъ состава „современнаго“ пролетаріата исключается еще новый слой трудящихся: прислуга.

Во-вторыхъ, тѣмъ же самымъ исключается изъ рядовъ его и сельско-хозяйственный пролетаріатъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ дальше характеризуетъ сельскихъ батраковъ тотъ же самый Каутскій. „Положеніе наемнаго рабочаго въ земледѣліи... принимаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ городской индустріи. Въ деревнѣ наемный рабочій, совершенно неимѣющій собственности, и въ то же время имѣющій свой свободный домашній очагъ—исключительное явленіе“. „Свободные“ неимущіе поденщики „ближе всего походятъ на городскихъ пролетаріевъ, но въ то же время существенно отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что образуютъ *придатокъ, составную часть чужого домашняго обихода*“. Словомъ, четвертый отличительный признакъ, дающій право на званіе „современнаго пролетаріата“, у земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ отсутствуетъ.

Итакъ, Каутскій нашелъ четыре признака, которые дѣлаютъ неимущихъ, трудящихся, эксплуатируемыхъ людей опредѣленнымъ общественнымъ классомъ, опредѣленною историческою силою, съ вполне опредѣленными интересами и столь же опредѣленнымъ социальнымъ поведеніемъ.

Какъ было сказано выше, для Каутскаго не та или другая степень благосостоянія объединяетъ людей въ классы, а положеніе въ производствѣ, положеніе, создаваемое для людей ихъ ролью въ хозяйственномъ механизмѣ страны. Современный капиталистическій строй, напимѣръ, вызвалъ къ жизни особый слой людей, составляющихъ трудовую основу капиталистическаго производства, занятыхъ на средствахъ производства, общественно-сосредоточен-

ныхъ и не имъ принадлежащихъ, людей, вѣ работъ независимыхъ отъ своихъ нанимателей. Этотъ общественный слой и является современнымъ пролетаріатомъ, особымъ общественнымъ классомъ, альфой и омегой практическаго марксизма.

Нетрудно видѣть, что такимъ образомъ для Каутскаго только индустріальный, фабрично-заводскій наемный рабочій и является „настоящимъ“ пролетаріемъ *).

Теперь понятно, какъ долженъ относиться Каутскій къ крестьянству. То приравниванье трудового крестьянства по его интересамъ къ пролетаріату, которое мы видѣли у Либкнехта и Фольмара, для Каутскаго, конечно, должно казаться грубо-ошибочнымъ. „У крестьянъ ни въ какомъ случаѣ нельзя найти всѣ эти четыре признака характеризующихъ пролетаріатъ“ — и это въ глазахъ Каутскаго безповоротно рѣшаетъ вопросъ. Крестьянство есть совершенно особый общественный классъ, съ особыми интересами, и объединять его въ одной рубрикѣ съ индустріальнымъ пролетаріатомъ, какъ „трудящійся“ или „рабочій“ народъ — неправильно.

Нельзя не признать, что этотъ выводъ сдѣланъ Каутскимъ совершенно логично. Изъ его предпосылокъ иныхъ заключеній нельзя было и сдѣлать. Достаточно было найти возможно болѣе узкое опредѣленіе понятія „пролетаріатъ“, чтобы вырыть между нимъ и крестьянствомъ цѣлую бездну. И Каутскій дѣйствительно сдѣлалъ для этого все возможное. Его опредѣленіе „пролетаріата“ настолько узко, что сквозъ него, какъ сквозъ игольные уши, не проходятъ ни современный Lumpenproletariat, ни прислуга, ни селско-хозяйственный батракъ, ни ремесленный подмастерье, ни работники художественной промышленности, ни пролетарій интеллигентныхъ ремеслъ, ни рабочій въ системѣ „домашней промышленности“.

Но, изгнавши изъ рядовъ пролетаріата такое множество самаго доподлиннаго рабочаго люда, добился ли, по крайней мѣрѣ, Каутскій своей основной цѣли? Получилъ ли онъ въ итогѣ массу, вполне однородную, съ совершенно одинаковыми интересами и соціальной психологіей? Вотъ вопросъ. И на этотъ вопросъ я отвѣчаю: нѣтъ! Каутскій, въ качествѣ яраго объективиста, искалъ непременно вѣшнихъ, объективныхъ, формальныхъ признаковъ

*) Иначе смотрѣлъ на дѣло, напр., покойный Либкнехтъ — этотъ въ общемъ ортодоксальнѣйшій изъ марксистовъ старой школы. „Насъ, — говоритъ онъ въ своей брошюрѣ: „Grund-und Bodenfrage“ — часто старались выставить защитниками исключительно *рабочихъ*, принимая слово рабочій въ узкомъ и тѣсномъ смыслѣ промышленныхъ наемныхъ рабочихъ. Но развѣ земледѣліе не такая же промышленность, какъ и другія? И не только *наемный* рабочій въ городѣ и деревнѣ есть рабочій, но каждый, кто живетъ не отъ эксплуатаціи чужого труда, слѣд., и крестьянинъ, и мелкій ремесленникъ...“

для характеристики класса. Но вышнее, формальное сходство слишком часто бывает поверхностнымъ. Возьмемъ хотя бы управляющаго заводомъ или директора акціонерной компаніи. По Каутскому должно выходить, что это „настоящіе современные пролетаріи“... Въ самомъ дѣлѣ, 1) средствами производства они не владѣютъ, 2) въ производствѣ роль играютъ чрезвычайно важную, 3) работаютъ (трудъ управленія) общественно-сосредоточенными средствами производства, 4) внѣ производства свободны и равны нанимателю, не составляютъ простого придатка къ его жизненному обиходу... Но вѣдь это же — скажете вы — заправскіе буржуа! Они получаютъ тысячное жалованье, купаются въ шампанскомъ! Нужды нѣтъ: „пролетаріи должны быть неимущими лишь по отношенію къ средствамъ производства, а не къ предметамъ потребления“...

Вотъ результатъ увлеченія формальнымъ опредѣленіемъ. Оно одновременно и слишкомъ широко, и слишкомъ узко *).

Обратнаго рода операцію продѣлываетъ Каутскій съ крестьянствомъ. Здѣсь онъ не только не опредѣляетъ заранѣе, что онъ понимаетъ подъ крестьянствомъ, но, напротивъ того, умышленно оставляетъ это слово въ широкомъ и неопредѣленномъ значеніи, чтобы можно было потомъ втиснуть въ него самыя разнородныя социологическія величины. По этому методу легко превратить въ противоположности два любыхъ родственныхъ понятій: стоитъ только одно взять въ самомъ широкомъ, а другое — въ самомъ узкомъ смыслѣ слова.

Но предоставимъ слово самому Каутскому. „У крестьянина никоимъ образомъ нельзя найти всѣхъ этихъ характерныхъ признаковъ. Указываютъ на ипотечнаго кредитора, который является фактически господиномъ, владѣльцемъ крестьянскаго имѣнія. Но на самомъ дѣлѣ онъ стоитъ къ нему не въ отношеніи капиталиста къ наемному рабочему, но въ отношеніи землевладѣльца къ предпринимателю. Благодаря своему ипотечному долгу крестьянинъ такъ же мало дѣлается пролетаріемъ, какъ мало дѣлается пролетаріемъ фабрикантъ оттого, что ведетъ свое предпріятіе въ наемномъ помѣщеніи вмѣсто собственнаго... Крестьянинъ

*) Насколько проще и глубже опредѣленіе, данное самимъ Марксомъ въ ст. „Капиталъ“! Вотъ оно: „въ экономическомъ смыслѣ пролетаріями называются *наемные* рабочіе, которые производятъ „капиталъ“ и увеличиваютъ его стоимость, и которыхъ онъ выбрасываетъ на улицу, когда они становятся излишними для округленія „господина капитала“ (т. I, стр. 536). Здѣсь только два признака: одинъ формальный (наемные), другой — реальный (округленіе „господина капитала“). И въ то же время отсюда прямо явствуетъ правота Фольмара, для котораго крестьянинъ и пролетарій суть одинаковыя экономическія *сущности* при разницѣ *формъ* проявленія.

всегда остается владѣльцемъ средствъ производства: владѣльцемъ своихъ орудій, инструментовъ, скота, словомъ—своего хозяйственнаго инвентаря. Конечно, все это также можетъ быть отягощено долгами; однако онъ, тѣмъ не менѣе, все-таки выполняетъ функціи предпринимателя, а какъ таковой онъ остается въ *противорѣчій* (курсивъ подлинника) къ *пролетариату* (in einem Gegensatz zum Proletariat) такъ же, какъ и фабрикантъ, который только производство свое ведетъ на заемный капиталъ, которому тоже не принадлежатъ его средства производства, но который, однако, функционируетъ, какъ индустриальный капиталистъ, и въ качествѣ таковаго враждебно противостоитъ пролетариату^{*)}.

Такъ аргументируетъ искусный діалектикъ — Каутскій. И, немѣнно, его аргументація имѣетъ всю виѣшнюю видимость правдоподобія. Скажу даже болѣе: съ чисто-формальной точки зрѣнія онъ совершенно правъ. Но извѣстны свойства этого рода правоты, правоты исключительно формальной. Именно про нее сказано, что *summum jus—summa iniuria*. И мы поставимъ своей задачей доказать, что формальная правота Каутскаго есть величайшая неправота, величайшій грѣхъ, величайшее насиліе надъ цѣлымъ рядомъ неоспоримѣйшихъ истинъ политической экономіи. Именно этимъ мѣстомъ Каутскій, правовѣрнѣйшій и умнѣйшій изъ современныхъ правовѣрныхъ нѣмецкихъ марксистовъ, показываетъ или полное неумѣнье, или полное нежеланіе понять относящіяся сюда положенія своего великаго учителя, Карла Маркса. Говорю это смѣло, потому что чувствую подъ собою твердую почву: тѣ мѣста изъ Маркса, которые я приведу, не оставляютъ ничего желать въ смыслѣ ясности и не допускаютъ никакихъ перетолкованій.

Раскроемъ третій томъ „Капитала“, въ которомъ заключается все ученіе Маркса о кредитѣ. Посмотримъ, можно ли, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія теоріи Маркса, ставить, какъ это дѣлаетъ Каутскій, знакъ равенства между отношеніемъ крестьянина къ своему ипотечному кредитору-ростовщику и отношеніемъ фабриканта къ своему банкиру.

Какая разница между *кредитомъ* и *ростовщичествомъ*? вотъ вопросъ, которымъ, между прочимъ, задается Марксъ въ 36 главѣ III тома. Существующіе отвѣты на этотъ вопросъ онъ считаетъ неудовлетворительными. Онъ не признаетъ, чтобы это различіе было только количественнымъ и цѣликомъ сводилось на ту или иную высоту взимаемаго %. Въ самомъ дѣлѣ, если я на занятый капиталъ получаю 100% прибыли, и если я владѣльцу занятаго капитала отдаю половину или даже треть, то врядъ ли его по

*) „Die Agrarfrage“, S. 307—308. Курсивъ вездѣ нашъ, кромѣ мѣста, которое оговорено въ текстѣ.

отношенію ко мнѣ можно назвать ростовщикомъ, тогда какъ при другихъ условіяхъ тѣ же 30 или 50% на занятый капиталъ были бы самымъ жестокимъ ростовщичествомъ. Высота общаго %, какъ и высота % ростовщическаго, измѣняется подъ вліяніемъ особыхъ экономическихъ законовъ, и по одному этому непосредственнаго, рѣшающаго значенія не имѣетъ. Различіе между обоими способами употребленія капитала чисто принципиальное, оно лежитъ въ существѣ этихъ обоихъ способовъ „Newmann — говорить Марксъ — выражаетъ это въ нелѣпой формѣ, когда говоритъ, что банкиръ пользуется уваженіемъ, между тѣмъ какъ на ростовщика смотрятъ съ ненавистью и презрѣніемъ, вслѣдствіе того, что одинъ даетъ ссуду богатымъ, а другой — бѣднымъ... Онъ не замѣчаетъ, что между тѣмъ и другимъ лежитъ различіе двухъ общественныхъ способовъ производства и соответствующихъ имъ общественныхъ укладовъ“ *). Какъ мы видѣли, еще менѣе замѣчаетъ это Каутскій.

Въ чемъ же дѣло? Да въ самомъ назначеніи кредита, въ самомъ смыслѣ этой операціи для заемщика. Когда капиталистъ занимаетъ деньги, онъ употребляетъ ихъ, какъ капиталъ, какъ самовозрастающую стоимость. Занятые деньги, затрачиваемыя имъ въ производство, даютъ ему возможность купить на рынкѣ особаго рода товаръ — рабочую силу — имѣющій свойство доставлять прибавочную стоимость. Кредитъ, такимъ образомъ, *обогащаетъ* заемщика. То, что онъ уплачиваетъ своему кредитору въ видѣ % на капиталъ, есть лишь часть *прибавочной стоимости*, доставшейся ему, благодаря своеобразной „производительной силѣ“ занятаго капитала. Такимъ образомъ, заемъ здѣсь оказался сдѣлкой, въ которой выигрываютъ обѣ стороны — и заимодавецъ, и заемщикъ — на счетъ третьей. Немудрено, что идеологическіе представители современнаго хозяйственнаго строя не устаютъ пѣть хвалы кредиту, и „вмѣсто того, чтобы предавать анаѣмъ капиталъ, приносящій проценты вообще“, „поставили, напротивъ того, положительное признаніе его своей исходной точкой“. Ростовщичество же до сихъ поръ возбуждаетъ всеобщее порицаніе.

И, однако, „капиталъ, приносящій проценты, поскольку онъ составляетъ существенный элементъ капиталистическаго способа производства, ни въ какомъ случаѣ не отличается ни сущностью, ни характеромъ отъ ростовщическаго капитала. (Это и есть то формальное тождество, которое соблазнило К. Каутскаго. В. Ч.). Отличны только измѣненные условія, при которыхъ ему приходится дѣйствовать, а потому также совершенно преобразовывается и заемщикъ, который противопоставляется заимодавцу“ **).

*) „Капиталъ“, т. III, стр. 490.

**) Ibid., стр. 494.

23 317

Когда занимает деньги непосредственный производитель, живущий собственным трудом, характер отношенія между нимъ и заемщикомъ существенно мѣняется, какова бы ни была величина процента. Это уже не сдѣлка, въ которой выигрываютъ обѣ стороны. Заим�аемыя деньги не даютъ заемщику дарового фонда для уплаты $\%$. Деньги сами по себѣ, по своей вещественной природѣ не способны рождать новыя деньги. Платежъ процентовъ заемщикомъ здѣсь знаменуетъ только то, что въ карманѣ заимодавца перекочевало изъ кармана заемщика въ видѣ денегъ извѣстная часть „кристаллизованнаго труда“, и перекочевала безъ всякаго соотвѣтственнаго эквивалента, — т.-е. по существу точно такимъ же образомъ, какъ перекочевываетъ въ карманѣ промышленнаго капиталиста безъ соотвѣтственнаго эквивалента прибавочная стоимость, неоплаченный трудъ наемнаго работника. И это при всякомъ, хотя бы самомъ низкомъ размѣрѣ $\%$. Съ ростомъ $\%$ мѣняется не сущность, а лишь размѣры, лишь интенсивность процесса, который по существу совершенно аналогиченъ процессу чисто-капиталистической эксплуатаціи. „Подъ видомъ $\%$ ростовщикъ можетъ при этомъ поглотить всякій избытокъ сверхъ необходимѣйшихъ средствъ существованія производителя... ростовщикъ, недовольный еще тѣмъ, что выжимаетъ прибавочный трудъ своей жертвы, мало-по-малу приобретаетъ право собственности на самыя условія труда крестьянина, на его землю, домъ и пр. и постоянно занятъ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ экспроприировать его“ *).

И вотъ, къ этой-то несчастной, разоряемой и эксплуатируемой жертвѣ ростовщичества подходитъ Каутскій, смотреть на нее сквозь очки своего доктринерскаго формализма и хладнокровно заявляетъ: „онъ такъ же мало дѣлается, благодаря этому, пролетаріемъ, какъ мало дѣлается пролетаріемъ фабрикантъ оттого, что ведетъ свое предпріятіе на заемный капиталъ“... Если бы это не объяснялось доктринерствомъ, которое способно ослѣплять самыхъ лучшихъ людей, то это было бы свидѣтельствомъ поистинѣ изумительной нравственной черствости. Сравненіе этой гибнущей въ сѣтяхъ ростовщическаго капитала жертвы съ фабрикантомъ (!) мыслимо только, какъ увлеченіе оторвавшагося отъ жизни кабинетнаго мыслителя, или какъ издѣвательство надъ человѣческими страданіями...

Быть можетъ, намъ возразятъ, что Каутскій говорилъ не о ростовщичествѣ, а *просто* объ ипотечной задолженности. На это мы отвѣтимъ словами Маркса: „капиталъ, приносящій $\%$, *сохраняетъ форму ростовщическаго капитала по отношенію къ лицамъ и классамъ, или въ тѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ займы соверша-*

*) „Капиталъ“, т. III, стр. 490

ются и могут совершаться не въ смыслъ капиталистическаго способа производства; когда занимаютъ на личныя потребности... или когда производитель не есть производитель капиталистическій, а мелкій крестьянинъ, ремесленникъ и пр., т.-е. пока непосредственный производитель остается еще владѣльцемъ условий своего производства“ *).

Таково чисто принципиальное различіе между капиталистическимъ и не капиталистическимъ кредитомъ, т.-е. ростовщичествомъ (въ томъ глубокомъ, научномъ смыслѣ этого слова, въ какомъ его употребляетъ Марксъ). Капиталистическій кредитъ служитъ могучимъ орудіемъ промышленнаго процвѣтанія. Онъ сосредоточиваетъ капиталы, не даетъ имъ праздно лежать, переводитъ ихъ изъ рукъ неумѣлыхъ и праздныхъ въ дѣятельныя и предпримчивыя; онъ удваиваетъ, утраиваетъ и т. д. производительныя силы общества, увеличиваетъ спросъ на трудъ со всеми вытекающими отсюда благоприятными для рабочаго послѣдствіями. Что же касается не капиталистическаго, ростовщическаго кредита **) и кредитнаго капитала, то онъ „обладаетъ способомъ эксплуатаціи капитала, не обладая его способомъ производства“ ***). „Ростовщическій капиталъ, въ такой формѣ, когда онъ фактически присваиваетъ весь прибавочный трудъ непосредственнаго производителя, не измѣняя способа производства... приводитъ этотъ способъ производства въ бѣдственное состояніе, *ослабляетъ* производительныя силы, вмѣсто того, чтобы развивать ихъ, и увѣковѣчиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое плачевное состояніе, въ которомъ общественныя производительныя силы труда *не развиваются* насчетъ самаго рабочаго, какъ при капиталистическомъ способѣ производства“ ****). Онъ „способа производства не измѣняетъ, но, какъ паразитъ, присасывается къ нему и приводитъ его въ бѣдственное состояніе... высасываетъ его, лишаетъ его живучести и принуждаетъ воспроизводство совершаться при все болѣе и болѣе ухудшающихся условіяхъ“ *****). Словомъ, и по существу сдѣлки, по ея хозяйственному смыслу для контрагентовъ, и по историческому своему значенію кредитъ капиталистическій и кредитъ не капиталистическій представляютъ чуть-чуть не прямая противополо-

*) Ibid, стр. 494.

**) А не капиталистическій кредитъ не будетъ ростовщическимъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ организованъ целесообразно самимъ обществомъ, или какъ безпроцентный, или при процентѣ, лишь покрывающемъ необходимые расходы по организаціи доставленія кредита, т.-е. безъ всякой прибыли.

***) „Кал.“, т. III, стр. 492.

****) Ibid, стр. 490—491.

*****) Ibid, стр. 491.

ложности *). Такова теорія Маркса. И Каутскій, ставящій себя въ честь свою „ортодоксальность“, не знаетъ или ничего не хочетъ знать объ этой противоположности!

Марксъ характеризуетъ отношеніе крестьянина къ своему кредитору такъ, что послѣдній „фактически присваиваетъ прибавочный трудъ (а иногда даже весь прибавочный трудъ) непосредственнаго производителя“. А Каутскій рѣшается утверждать, что онъ, на худой конецъ, стоитъ къ нему „не въ отношеніи капиталиста къ наемному рабочему, но въ отношеніи землевладѣльца къ предпринимателю“. Для Маркса крестьянинъ есть эксплуатируемый трудящійся, жертва заимодавца, а для Каутскаго онъ „выполняетъ функцію предпринимателя и, какъ таковой, стоитъ въ противорѣчій къ пролетаріату, такъ же, какъ и фабрикантъ“... Болѣе вопіющее противорѣчіе было бы трудно придумать даже нарочно.

Все, что сказано относительно капиталистическаго и не капиталистическаго кредита, примѣнимо также къ капиталистической и не капиталистической арендѣ. То, что отдаетъ арендаторъ-капиталистъ землевладѣльцу, есть особая экономическая категорія—рента, источникомъ которой—какъ и источникомъ процента на ссужаемый капиталъ **)—въ послѣднемъ счетѣ является прибавочная стоимость. Рента—говоритъ Марксъ въ *Misère de la Philosophie*—„ставитъ передъ земледѣльцемъ... промышленнаго капиталиста, извлекающаго изъ земли доходъ посредствомъ труда наемныхъ рабочихъ и отдающаго землевладѣльцу, въ видѣ арендной платы, *лишь излишекъ надъ издержками производства включая въ нихъ и прибыль на капиталъ*“. Иное дѣло при не капиталистической арендѣ мелкаго крестьянина. „То, что онъ платитъ въ видѣ аренды, не только зачастую поглощаетъ часть его прибыли, т.-е. часть его собственного прибавочнаго труда, на которую онъ имѣетъ право, какъ владѣлецъ собственныхъ орудій труда, но также часть нормальной рабочей платы, которую бы онъ получилъ при другихъ условіяхъ за такое же количество труда“ ***). А въ „*Misère*“ Марксъ даже говоритъ еще прямо, что въ этомъ случаѣ „доходъ землевладѣльца берется изъ заработной платы“.

*) Этимъ и объясняется, почему 0/0 въ старыя времена пользовался такимъ общимъ осужденіемъ. Наши праѣды не знали капиталистическаго кредита, и для нихъ кредитъ и ростоичество были величины, другъ друга взаимно покрывавшія. Одно время 0/0 былъ запрещенъ церковью.

**) Земля есть тоже капиталъ, поэтому рента до нѣкоторой степени аналогична проценту. Аренду можно разсматривать, какъ ссуду капитала-земли. Но такъ какъ земля есть капиталъ особаго рода (прежде всего, не увеличиваемый по произволу), то и движеніемъ ренты управляютъ законы, особые отъ движенія процента.

***) „Кап.“, III, стр. 516.

Для Каутскаго этотъ крестьянинъ, конечно, все-таки равенъ фабриканту, который только ведетъ производство въ нанятомъ помѣщеніи вмѣсто собственнаго!

Всѣ эти различія сводятся къ одному. Тогда какъ Каутскій пользуется общимъ и неопредѣленнымъ терминомъ „Unternehmer“ (предприниматель), чтобы сдѣлать рядъ невыгодныхъ для крестьянина сравненій („als Fabrikant“, „als Kapitalist“) — Марксъ съ отличающей его всегда глубиной замѣчаетъ, что „мелкія средства производства, служащія самому производителю средствами производства, и не возрастающія въ своей стоимости посредствомъ прибавленія чужого труда, *вовсе не составляютъ капитала*“ *). Поэтому, говоритъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ, въ рукахъ мелкихъ крестьянъ земля „ein reines Produktionsinstrument“ и „эксплуатация крестьянъ только по своей *формѣ* отличается отъ эксплуатации рабочихъ. Эксплуаторъ у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же — капиталъ“.

Отсюда ясно, кто въ данномъ пунктѣ — въ спорѣ о социологическомъ мѣстѣ крестьянства — болѣе „марксистъ“ (въ настоящемъ, а не въ прописномъ смыслѣ этого слова) — еретикъ ли Фольмаръ, или правовѣрный изъ правовѣрныхъ Каутскій...

Раздѣлавшись такъ неудачно съ первымъ пунктомъ, характернымъ для пролетаріата и противоположающимъ ему крестьянство, Каутскій поочередно перебираетъ другіе: важную роль въ производствѣ, отдѣльность жизненнаго обихода работника отъ производства, въ которомъ онъ занятъ, наконецъ, работу на общественно-сосредоточенныхъ, а не разрозненныхъ, индивидуальныхъ средствахъ производства. Мы уже видѣли, что эти признаки или характерны не для всѣхъ видовъ пролетаріата (понимая подъ пролетаріями людей, живущихъ продажей своего труда, какъ товара, владѣльцамъ капитала), или же при извѣстныхъ условіяхъ могутъ оказаться приложимыми и къ крестьянину.

Всѣ эти соображенія рѣшаютъ а priori для Каутскаго вопросъ о крестьянинѣ и пролетаріи въ томъ смыслѣ, что, какъ категоріи хозяйственнаго строя, они не только различны, но и во многихъ отношеніяхъ противоположны. Отсюда вытекаетъ, что соответственное различіе и противорѣчіе должно существовать и въ *интересахъ* крестьянина, съ одной стороны, пролетарія — съ другой. Каутскій ищетъ далѣе апостериорнаго подтвержденія этому положенію, спѣшитъ провѣрить свою дедукцію индукціей. За доказательствомъ вѣрности своего положенія Каутскому не приходится идти далеко: „всею рѣзче эта противоположность интересовъ должна выражаться среди крестьянъ у тѣхъ, которые

*) „Кап.“, I, 616.

употребляютъ обычно наемныхъ рабочихъ, т.-е. у крупныхъ крестьянъ“ *).

Здѣсь мы видимъ новый образецъ чисто-адвокатскаго способа аргументаціи Каутскаго. Пока онъ оперировалъ съ понятіемъ „пролетаріата“, онъ старался вложить въ него вполне определенное, строго ограниченное отъ сопредѣльныхъ понятій содержаніе; настолько ограниченное, что множество видовъ пролетаріата осталось за порогомъ, по изреченію: „много званыхъ, но мало избранныхъ“. Напротивъ, говоря о крестьянствѣ, онъ не позаботился ни о чемъ подобномъ.

Спрашивается, въ какомъ смыслѣ употребляетъ Каутскій слово „крестьянство“? Есть только два точно определенныхъ, ясныхъ для науки смысла. Крестьянство можно разсматривать, какъ *солово*, какъ категорію юридическаго строя, и какъ *классъ*, какъ категорію хозяйственнаго строя. „Bauernklasse“ — этотъ терминъ *Марксъ* неоднократно прилагаетъ **) какъ разъ къ тѣмъ самымъ крестьянамъ, для которыхъ земля „ein reines Productionsinstrument“, которымъ Фольмаръ даетъ названіе „Selbstwirthschafter“, т.-е. непосредственный производитель-земледѣлецъ. Его хозяйственный обликъ нашъ крестьянинъ - поэтъ Кольцовъ обрисовалъ замѣчательно образно и мѣтко, заставивъ его говорить, обращаясь къ своей сохѣ и сивѣ: „я самъ-другъ съ тобою, слуга и хозяинъ“. Онъ именно „слуга и хозяинъ“ своихъ орудій производства.

Спрашивается: какое же изъ этихъ двухъ понятій соединяетъ Каутскій со словами „крестьянство“, „крестьянинъ“? Беретъ ли онъ его въ качествѣ сословія? Но это было бы болѣе чѣмъ странно. Въ сословномъ смыслѣ крестьяниномъ можетъ быть и земледѣлецъ, и ремесленникъ, и мелкій торговецъ, и кабатчикъ, и крупный землевладѣлецъ, и фабричный рабочій, и кучеръ, и швейцаръ, и студентъ, и докторъ философіи, и еще, ужъ я не знаю, кто. Но вѣдь Каутскій пишетъ не юридическій трактатъ, а политико-экономическій. А съ экономической стороны „крестьянское сословіе“ такой сложный конгломератъ, что о немъ, какъ цѣломъ, говорить вовсе не приходится: какъ таковое, оно есть объектъ права, а не политической экономіи. Очевидно, что говорить о хозяйственныхъ интересахъ такого, съ экономической точки зрѣнія, винигрета (*sit venia verbo*) вовсе не приходится, и сравнивать его съ пролетаріатомъ — категоріей экономической — просто нелепости. Сравниваютъ только величины однородныя. Аршины нельзя сравнивать съ пудами.

Такъ, можетъ быть, Каутскій говорить о крестьянствѣ во

*) Die Agrarfrage, S. 308.

**) См. „Achtzente Brumaire“, стр. 21 и др.

второмъ, экономическомъ смыслѣ? Опять-таки нѣтъ, ибо онъ къ крестьянамъ относитъ Grossbauer'овъ, а ихъ социологическое мѣсто, несомнѣнно, не рядомъ съ тѣми, для кого земля „ein reines Productionsinstrument“, а въ рядахъ сельско-хозяйственной буржуазіи. Въ экономическомъ смыслѣ все равно, изъ дворянъ ли, изъ мѣщанъ, изъ купцовъ, изъ духовныхъ или крестьянъ данный землевладѣлецъ. Разъ онъ съ земелькой „ведетъ коммерцію“—онъ относится къ буржуазіи, хотя бы родомъ онъ былъ раскрестьянившій. И наоборотъ, въ классъ самостоятельныхъ производителей-крестьянъ попадутъ и подгородные мѣщане, занимающіеся „въ потѣ лица своего“ хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, и мало-земельные „однодворцы“, и надѣленные землей отставные солдаты или духовные, и даже увлекающіеся толстовствомъ „земледѣльцы изъ образованнаго класса“...

Въ какомъ же, наконецъ, смыслѣ говорить о „крестьянахъ“ Каутскій? Да неизвѣстно въ какомъ... Или, лучше сказать, онъ беретъ это слово просто въ его *уличномъ*, вульгарномъ и до безконечности неопредѣленномъ и растяжимомъ значеніи. Это даетъ ему возможность въ первый рядъ среди крестьянства поставить „вышедшихъ изъ крестьянъ“ буржуйчиковъ и тѣмъ доказать наличность „классоваго противорѣчія“ крестьянъ съ пролетаріатомъ. Это, конечно, удобный и легкій способъ аргументаціи; вопросъ другой, насколько *наученъ* этотъ способъ. Что сказали бы вы о томъ философѣ или психологѣ, который, взявшись разсуждать объ отношеніи между душой и тѣломъ, взялъ бы оба эти термина или одинъ изъ нихъ въ ходячемъ, вульгарномъ смыслѣ, согласно которому, напр., чувство голода относится къ „тѣлу“, и только горнія мечты „къ духу“? Вы, вѣроятно, сказали бы, что это—вульгарная психологія, вульгарная философія. Такъ вотъ и Каутскій, стремясь найти доказательство искомой „противоположности интересовъ“, попадаетъ одной ногой въ область вульгарной экономіи, вульгарнаго марксизма...

Нѣтъ ничего легче, какъ на подобный аргументъ отвѣтить подобнымъ же, даже еще болѣе сильнымъ аргументомъ. Статистика показываетъ, что порядочная доля ипотечныхъ долговъ на крестьянскихъ земляхъ сосредоточена въ рукахъ ссудо-сберегательныхъ кассъ, въ которыя помѣщаютъ свои сбереженія рабочіе. Такимъ образомъ, источникомъ процента, получаемого рабочимъ на свою енижечку, въ послѣдней инстанціи является неоплаченный трудъ крестьянина, этого „предприимателя“, яко бы функционирующаго „als Fabrikant“... Роли перемѣняются, эксплуатируемые превращаются въ эксплуататоровъ и обратно...

Но послушаемъ Каутскаго далѣе. Онъ и помимо грессбауэровъ находитъ свидѣтельство противорѣчивости интересовъ крестьянъ

и пролетаріевъ. Возьмемъ, говоритъ онъ, среднихъ крестьянъ, въ общемъ не употребляющихъ наемнаго труда, живущихъ „трудами рукъ своихъ“, но производящихъ свои продукты для рынка. Здѣсь пропадаетъ противорѣчіе эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ; но остается и здѣсь еще то противорѣчіе, которое существуетъ между наемными рабочими и всѣми производителями средствъ существованія для рынка: противорѣчіе между продавцами и покупателями“ *).

Новая противоположность интересовъ! О, да, конечно, всякій продавецъ всегда хочетъ взять за свой товаръ дороже, а покупатель—купить его дешевле. Этого противорѣчія никто отрицать не будетъ. Но не надо забывать и того, что *такое* противорѣчіе проникаетъ собой все современное общество. Всѣ его члены — даже члены одного и того же класса капиталистовъ и торговцевъ — являются по отношенію другъ къ другу попеременно то покупателями, то продавцами. И если бы это противорѣчіе необходимо вело къ социальному расколу, къ расколу на отдѣльные классы, то классовъ явилось бы болѣе, чѣмъ отраслей производства и торговли... Я, конечно, не отрицаю, что классъ есть понятіе относительное, что между нѣкоторыми отдѣльными отраслями капиталистическаго производства есть даже кое-какія очень серьезныя столкновенія интересовъ. Я говорю только, что это не является еще рѣшающимъ факторомъ. Противорѣчіе интересовъ между продавцомъ и покупателемъ не только допускаетъ вообще соглашеніе, оно нисколько не мѣшаетъ тому и другому быть въ предѣлахъ одного и того же общественнаго класса. Если ужъ на то пошло, такъ противорѣчіе интересовъ, существующее между продавцами одного и того же товара, будетъ, пожалуй, по существу нѣтъ противоположности покупателей-продавцовъ. Продавцы одного и того же товара — конкуренты, а въ конкуренціи — homo homini lupus. Рабочіе — также продавцы нѣкотораго товара—труда, и также конкурируютъ между собою. Это не мѣшаетъ (т.-е., конечно, мѣшаетъ, но не настолько, чтобы вліять рѣшающимъ образомъ) ихъ единству и классовой солидарности. Далѣе, и между отдѣльными слоями рабочаго класса тоже существуютъ немалые диссонансы. Ими особенно богата исторія англійскаго узкаго, стараго трэдс-юніонизма. Да и одного ли англійскаго! Вотъ, напримѣръ, что говоритъ въ своей исторіи нѣмецкаго рабочаго движенія Мeringъ, являющійся вмѣстѣ со своимъ другомъ Каутскимъ однимъ изъ наиболѣе „правовѣрныхъ“: ростъ профессиональныхъ организацій рабочихъ въ металлургической промышленности долгое время шелъ туго, „частью оттого, что

*) Die Agrarfrage, S. 308.

они организовались безъ достаточнаго обособленія отраслей, вслѣдствіе чего столкнулись очень различныя, даже противоположныя интересы“ (Geschichte etc., S. 325). Принципъ объединенія долженъ бороться съ многочисленными разъединяющими вліяніями. Но противорѣчіе интересовъ при болѣе узкомъ ихъ пониманіи превращается въ *солидарность* при взглядѣ болѣе широко, разумно и сознательно. Такова оборотная сторона медали въ вопросѣ о конкуренціи рабочихъ изъ-за платы.

Такая же оборотная сторона есть и въ отношеніяхъ между крестьянами и пролетаріями, какъ покупателями и продавцами; и Каутскій про эту оборотную сторону знаетъ. „Рабочій классъ — главный потребитель сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; чѣмъ выше заработная плата рабочаго, тѣмъ больше его покупательная сила, тѣмъ сильнѣе спросъ на продукты крестьянскаго хозяйства, тѣмъ благопріятнѣ условія ихъ сбыта. Слѣдовательно, крестьянинъ заинтересованъ въ благосостояніи рабочаго“.

Съ обычной своей діалектической ловкостью Каутскій полемизируетъ противъ этого взгляда. Конечно, говоритъ онъ, общество есть сложный организмъ, и въ немъ нельзя тронуть ни одной части, чтобы это не отозвалось косвенно на другихъ. Но если выводить отсюда солидарность крестьянъ и пролетаріевъ, то, будучи послѣдовательнымъ, придешь къ самой вульгарной теоріи всеобщей гармоніи интересовъ. Такъ вѣдь можно сказать, что и капиталисты должны повышать заработную плату своихъ рабочихъ, потому что это — лучшее средство расширить внутренній рынокъ. А съ другой стороны, можно сказать, что рабочіе заинтересованы въ высотѣ прибыли капиталистовъ — чѣмъ выше прибыль, тѣмъ сильнѣе накопленіе капитала, тѣмъ больше спросъ на рабочія руки, а стало быть, тѣмъ выше заработная плата, etc., etc. „То, что опредѣляетъ взаимныя отношенія различныхъ классовъ и благодаря чему эволюционируетъ капиталистическое общество,—это вовсе не косвенная отдаленная гармонія ихъ интересовъ, или, по крайней мѣрѣ, лишь въ малой мѣрѣ она; въ первой линіи это — непосредственныя противорѣчія ихъ классовыхъ интересовъ“ *).

Чѣмъ непосредственнѣе единство или противорѣчіе интересовъ, тѣмъ, конечно, легче оно создается; и, наоборотъ, чѣмъ болѣе оно является косвеннымъ и отдаленнымъ, тѣмъ труднѣе его разглядѣть. Это истина несомнѣнная. Но только это и вѣрно въ приведенной аргументаціи Каутскаго.

И прежде всего онъ поторопился, уподобивъ идею о выгоде для крестьянъ высокой заработной платы городскихъ ра-

*) Die Agrarfrage, S. 309.

бочихъ, доказательствомъ полезности для капиталистовъ возвышать заработную плату для расширенія рынка сбыта собственныхъ продуктовъ. Каутскій просмотрѣлъ маленькую разницу, которая опрокидываетъ все его сравненіе. Чтобы расширить сбытъ своихъ продуктовъ указаннымъ путемъ, фабрикантъ долженъ сначала изъ *собственного кармана* выложить всю лишнюю сумму, на которую возрастетъ потомъ его рынокъ. Такая операція хуже переливанія изъ пустого въ порожнее. Лучше же онъ самъ на эту сумму купить у себя соотвѣтственное количество продукта. Нечего говорить, что въ отношенія между крестьянами и городскими рабочими не вкрадывается никакихъ подобныхъ препятствій.

Нѣтъ сомнѣнія, если бы капиталистъ могъ улучшать положеніе своихъ рабочихъ деньгами, падающими съ неба, а не таскаемыми изъ *собственного кармана*, онъ ни на минуту не задумался бы сдѣлаться филантропомъ, а кстати этимъ способомъ увеличить и покупательную силу внутренняго рынка. Такъ, напр., въ Англіи промышленная буржуазія не упустила случая взять подъ покровительство закона сельско-хозяйственныхъ рабочихъ противъ землевладѣльцевъ; а послѣдніе въ отместку оказывались столь же ярыми демократами по отношенію къ фабричнымъ рабочимъ. Точно такъ же и фабричные рабочіе ничего не имѣютъ противъ повышения капиталистической прибыли, если оно идетъ не на ихъ счетъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе цвѣтущи дѣла фабрики, тѣмъ легче добиться уступокъ и рабочимъ. Въ наиболѣе богатыхъ капиталистическихъ странахъ и положеніе рабочихъ сравнительно легче, и шансы успѣшности ихъ экономической борьбы больше *). Неудивительно поэтому, что среди значительной части англійскихъ рабочихъ долгое время имѣлъ успѣхъ даже имперіализмъ. Англійской промышленности нужны рынки, нужна агрессивная политика для ихъ захвата, а съ положеніемъ этой промышленности на всемірномъ рынкѣ тѣсно связано и благосостояніе англійскаго рабочаго. И вотъ результаты изъ хроники только что закончившихся англійскихъ парламентскихъ выборовъ. „Если Шотландія, Ирландія и большинство сельскихъ центровъ продолжаютъ голосовать противъ министерства, зато м-ръ Чемберленъ, видимо, имѣетъ за себя значительное большинство во всѣхъ большихъ городахъ“ пишетъ одна французская газета („La Petite République“, 7 oct. 1900). А вотъ еще маленькая частичная иллюстрація изъ той же газеты: „Имперіалисты побѣдили въ Шеффилдѣ, гдѣ либеральный депутатъ рабочій Маддисонъ, побить довольно сильнымъ большинствомъ... „Daily Chronicle“ приписываетъ этотъ резуль-

*) Ср. что говорить по этому поводу Зомбартъ *Soziale Bewegung des XIX Jahrh.*, S. 30.

татъ тому факту, что городъ Шеффильдъ, гдѣ фабрикуются въ громадномъ количествѣ стальные издѣлія, сильно заинтересованъ въ производствѣ военныхъ снарядовъ и орудій, откуда и джingoизмъ его обитателей“ (Ib, 6 oct. 1900). Какъ видите, и рабочіе, хотя и не являются непосредственно поставщиками товаровъ на рынокъ, однако, порою даже очень чувствуютъ себя заинтересованными въ большомъ спросѣ и хорошихъ цѣнахъ на продукты того производства, въ которомъ они заняты... Этотъ случай съ Шеффильдомъ напоминаетъ мнѣ другой аналогичный случай, о которомъ Каутскій самъ рассказываетъ въ своихъ интересныхъ очеркахъ „Die Klassengegensätze von 1789“. Онъ отмѣчаетъ слѣдующую странность: вмѣстѣ съ отсталой, некультурной Вандеей, центромъ клерикальной и легитимистской реакціи очень долго, почти во все время великой французской революціи, былъ самый крупный индустріальный центръ Франціи—Ліонъ. Ларчикъ просто отерывался. Ліонъ былъ центромъ шелковой промышленности, шитья золотомъ и т. д., и вынужденная эмиграція феодальнаго дворянства сильно ударила его по карману.. И кромѣ Ліона, продолжаетъ Каутскій, значительное число фабрикантовъ и торговцевъ (главнымъ образомъ предметами роскоши) тяготѣли къ знати, которая была потребителемъ ихъ продуктовъ. Отсюда и привязанность этой части буржуазіи къ старому порядку. Таковы факты, сообщаемые Каутскимъ-историкомъ. А Каутскій-догматикъ, наперекоръ ему, конструируетъ „непосредственное классовое противорѣчіе“ между продавцами и покупателями...

Въ чемъ, однако, конкретномъ можетъ выразиться противорѣчіе между покупателями-рабочими и продавцами-крестьянами? Да конечно, въ томъ, что крестьяне могутъ желать и требовать искусственнаго повышенія цѣнъ на свои продукты путемъ возвышенія покровительственныхъ пошлинъ, путемъ привилегіи насчетъ потребителей. Всмотримся поближе въ этотъ послѣдній теоретическій козырь Каутскаго.

Прежде всего отмѣтимъ слѣдующее. О покровительственныхъ пошлинахъ можетъ быть рѣчь лишь въ странахъ, не вывозящихъ, а ввозящихъ хлѣбъ, слѣд., странахъ, гдѣ собственное сельскохозяйственное производство отошло на второй планъ и не можетъ удовлетворять потребностямъ всего населенія страны. Слѣдовательно, пресловутое „противорѣчіе“, прежде всего, замкнуто въ сравнительно узкихъ, мѣстныхъ границахъ и всеобщаго характера не имѣетъ. Мало того, какъ разъ для тѣхъ странъ, гдѣ земледѣліе, а слѣд. и крестьянство имѣютъ наибольшее значеніе,—аргументъ Каутскаго не имѣетъ никакого значенія. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, никто иной, какъ самъ Каутскій въ томъ же-

своемъ „Аграрномъ вопросѣ“ превосходно освѣтилъ интересный и важный вопросъ: кому, собственно говоря, выгодны ввозныя пошлины на продукты сельскаго хозяйства? Онъ категорически высказывается въ томъ смыслѣ, что „еще до сихъ поръ *сельскому хозяйству* покровительственныя пошлины ни разу не помогли... если бы даже и была возможной энергичная, дѣйственная политика въ духѣ аграрнаго протекціонизма, тѣ результаты послужили бы поощреніемъ не *сельскаго хозяйства*, а лишь *землевладѣнія*, т. е. возвысились бы цѣны на землю, благодаря поддержанію на высокомъ уровнѣ земельной ренты... это только продолжило бы отягощеніе сельскаго хозяйства“ *). Настоящее, трудовое западно-европейское крестьянство (но не выдѣлившаяся или выдѣляющаяся изъ него буржуазія) чувствуетъ всегда одну, самую настоятельную потребность, общую для него съ его восточными братьями: „землицы бы“... Недаромъ иные новѣйшіе политико-экономы разсматриваютъ даже вопросъ о цѣнѣ земли, какъ частное проявленіе, своеобразную, превращенную форму вопроса о безработицѣ. Земля для крестьянъ и сельскихъ рабочихъ, особенно въ густо населенныхъ странахъ, есть просто средство обезпеченія себѣ заработка и средствъ существованія. Гумпловичъ называетъ сельскаго пролетарія, занятаго лишь часть года, и потому вынужденнаго или уходить за болѣе постояннымъ заработкомъ въ городъ, или обзавестись хоть маленькимъ, да собственнымъ хозяйствомъ—„Bauern-Axolotl“, или, въ вольномъ переводѣ, личика крестьянина. Усиленный спросъ на землю повышаетъ арендную и покупную стоимость земли далеко надъ уровнемъ всякихъ хозяйственныхъ соображеній, надъ уровнемъ нормальной капитализированной ренты, поглощаетъ громадную долю дохода, въ томъ числѣ не только ту часть, которая соотвѣтствуетъ „прибыли“, но даже нерѣдко вычеты ихъ нормальной заработной платы. Аграрный протекціонизмъ, согласно марксовской теоріи ренты, разумѣется, долженъ вести къ новому росту послѣдней, новому, тягчайшему для крестьянъ росту арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на землю. Это будетъ поважнѣе, чѣмъ болѣе высокая рыночная цѣна на продукты сельскаго хозяйства. Не надо забывать, что громадная часть тѣхъ крестьянъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, производятъ главнымъ образомъ не для рынка, а для собственного потребленія. Это не то, что крупный сельскій хозяинъ, у котораго потребленіе своихъ продуктовъ *in natura* начинается приближаться, по своему хозяйственному значенію, къ потребленію своихъ издѣлій городскимъ ремесленникомъ—сапожникомъ, портнымъ и т. п. Въ практикѣ такихъ крестьянъ не рѣдко встрѣчается продажа хлѣба для того, чтобы потомъ вновь купить

*) Die Agrarfrage, S. 248.

го по болѣ дорогой цѣнѣ — при чемъ подѣ виѣшнюю абсурдную оболочкой продажи для обратной покупки скрыта совершенно иная по существу хозяйственная операція: заемъ денегъ, подѣ залогъ хлѣба, за неизвѣстный заранее $\%$, даже съ неувѣренностью, удастся ли получить обратно заложенную вещь, или придется довольствоваться худшей. Только тѣ мелкіе крестьяне, земля которыхъ находится подѣ различными спеціальными культурами, болѣе заинтересованы въ уровнѣ рыночныхъ цѣнъ, но продукты спеціальныхъ культуръ какъ разѣ наименѣе страдаютъ отъ атлантической конкуренціи, а, слѣдовательно, наименѣе заинтересованы во ввозныхъ пошлинахъ: сильнѣйшую конкуренцію терпятъ зерновое хозяйство, а въ немъ роль собственного потребления крестьянъ всего больше. Итакъ, все это „противорѣчіе интересовъ“ сводится къ слѣдующему. Рабочіе заинтересованы въ дешевизнѣ цѣнъ на сѣбствыя припасы (хотя также не нужно преувеличивать интенсивность этого интереса, ибо до извѣстной степени заработная плата — несмотря на свойственную ей силу инерціи — тоже приспособляется къ колебаніямъ этихъ цѣнъ). Очень малая часть трудового крестьянства очень мало заинтересована въ высотѣ рыночныхъ цѣнъ на эти припасы, слѣдовательно, и въ аграрномъ протекціонизмѣ. Съ другой стороны, гораздо большая часть крестьянства заинтересована въ низкомъ уровнѣ арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на землю. Самъ Каутскій не станетъ отрицать, что противоположность интересовъ между трудовымъ крестьянствомъ и крупнымъ землевладѣніемъ и сельскимъ хозяйствомъ гораздо больше, чѣмъ принимаемая ими рознь крестьянъ и рабочихъ, какъ покупателей и продавцовъ. А вѣдь всякое вздорожаніе продуктовъ сельскаго хозяйства, представляющее ничтожный плюсъ для хозяйства мелкаго крестьянина, одновременно представляетъ громадный плюсъ для его крупнаго конкурента. Но плюсъ моего конкурента есть мой минусъ; не ясно ли, что въ этомъ минусѣ совершенно тонетъ безъ остатка весь предыдущій ничтожный плюсъ? Я уже не говорю о томъ, что индустріальные капиталисты, которымъ невыгодны высокія цѣны на сѣбствыя припасы — дороже стоитъ содержаніе рабочихъ, приходится больше имъ платить — требуютъ въ протекціонистской политикѣ соотвѣтственнаго эквивалента и для себя. Въ качествѣ крупной общественной силы, они почти всегда добиваются этого эквивалента. Кто же долженъ его выплатить? Потребитель индустріальныхъ продуктовъ, въ томъ числѣ этотъ же самый крестьянинъ. Можно поэтому не колеблясь сказать, что при торжествѣ протекціонной системы различныя *переплаты* крестьянина способны по два, по три и болѣе разѣ покрыть его *переборы* на болѣе высокихъ цѣнахъ при продажѣ продуктовъ сельскаго хозяйства.

Нѣтъ сомнѣнія, что не всегда крѣстьянинъ понимаетъ всю эту сложную сѣть хозяйственныхъ условій, которая его окружаетъ. А всякій лишній пятакъ или гривенникъ, который можетъ ему перепастъ на рынкѣ, есть нѣчто явное, осязательное. Да, конечно, на этомъ-то и выѣзжаютъ прусскіе аграріи въ своей реакціонно-демагогической тактикѣ. Они пользуются темнотой крѣстьянина и стараются посѣять между нимъ и городскимъ рабочимъ сѣмена вражды. Задача лучшихъ людей — разогнать этотъ туманъ, освѣтить крѣстьянину его положеніе, его истинные интересы, поднять его отъ узкаго пониманія этихъ интересовъ до болѣе широкаго. Вѣдь и фабричный рабочій не отъ природы „мыслить діалектически“. Его подняло на ноги болѣе чѣмъ полустолѣтіе культурно-образовательнаго воздѣйствія, осуществлявшаго „Das Bündniss der Denkenden und Leidenden“.

Но предположимъ даже на время, что Каутскій правъ. Предположимъ, что высокія цѣны и протекціонизмъ приносятъ крѣстьянину непосредственныя выгоды. Стремясь къ высокимъ цѣнамъ, требуя привилегіи для своихъ продуктовъ, крѣстьянинъ дѣйствуетъ не подъ вліяніемъ превратно понятаго интереса, а подъ вліяніемъ правильно понятаго, но узкаго, исключительнаго интереса, который заставляетъ его враждебно сталкиваться съ массой своихъ покупателей-рабочихъ. Если бы мы даже это признали, развѣ мы получили бы искомое принципиальное различіе между работникомъ и крѣстьяниномъ? Вовсе нѣтъ. Мы уже видѣли, что и рабочій, хотя онъ непосредственно не выноситъ на рынокъ производимые имъ товары, однако можетъ быть очень сильно заинтересованъ въ хорошей на нихъ цѣнѣ. Не только пошлина, но даже война, если только она дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ, можетъ отвѣчать его *узкимъ, непосредственнымъ* интересамъ. Этого мало. Рабочій и самъ непосредственно выноситъ на рынокъ особый товаръ — свой трудъ, свою мускульную и нервную силу. И какъ крѣстьянинъ можетъ требовать несправедливыхъ привилегій для своего товара, такъ можетъ ихъ требовать и рабочій. Напримѣръ, конкуренція итальянцевъ даетъ себя сильно чувствовать въ Швейцаріи, на югѣ Франціи. Мѣстные рабочіе этимъ сильно недовольны. Нерѣдко случаются у нихъ съ итальянцами и ссоры и драки, и побоища. Какъ крѣстьянину иногда кажется (хотя и напрасно) полезнымъ оградить національный рынокъ отъ ввоза болѣе дешеваго чужеземнаго хлѣба, такъ и рабочимъ-пролетаріямъ кажется выгоднымъ (и, дѣйствительно, пролетаріямъ *данной страны* это было бы *непосредственно* выгодно) оградить національный рабочій рынокъ отъ ввоза болѣе дешевой чужеземной рабочей силы. Точно такъ же рабочій можетъ требовать привилегіи и даже монополіи для *мужской* работы противъ конкуренціи *жен-*

ской. Въ другомъ мѣстѣ своего „Agrarfrage“ Каутскій самъ говоритъ про тотъ типъ рабочаго движенія, который онъ называетъ „чисто-практическимъ“, и существо котораго заключается въ служеніи исключительно узкимъ, непосредственнымъ интересамъ рабочаго класса. „Общественное развитіе — заявляетъ онъ — даже стоитъ для насъ выше интересовъ пролетаріата; мы не можемъ защищать такіе пролетарскіе интересы, которые стоятъ поперекъ пути общественному развитію“ *).

Конечно, Каутскій тотчасъ же прибавляетъ, что въ *общемъ* такого противорѣчія нѣтъ, въ *общемъ* интересы того и другого совпадаютъ. Однако же, въ частности „внутри пролетаріата можно найти самые различные слои. Существуетъ рабочая аристократія... которая слишкомъ легко становится въ противорѣчіе интересовъ съ общей массой пролетаріевъ“. Эта рабочая аристократія особенно склонна къ „чисто практической“ тактикѣ. Остальные элементы, идущіе изъ города въ деревню, не квалифицированные рабочіе, конкуренты-рабочіе изъ-за границы, женщины-работницы — всѣ они возбуждаютъ недоброжелательное отношеніе „элитовъ пролетаріата“. Чувство широкой солидарности, гармоніи интересовъ не всегда скоро пробивается сквозь голосъ „непосредственного“, узкаго интереса.

Когда рѣчь шла объ отношеніяхъ между крестьянами и рабочими, то Каутскій утверждалъ, что именно непосредственныя противорѣчія интересовъ, а не отдаленная ихъ солидарность, являются рѣшающимъ, опредѣляющимъ моментомъ. Исходя изъ этого положенія, онъ долженъ былъ бы такъ же поставить крестъ надъ рабочей аристократіей, какъ и надъ крестьянами. Не тутъ-то было... Обученные, квалифицированные рабочіе, несмотря на ихъ аристократическія замашки, по своему культурному уровню, выучкѣ, стойкости, дѣловитости etc. представляютъ элементъ слишкомъ цѣнный. Немудрено, что для нихъ у Каутскаго находится другой аршинъ, чѣмъ для крестьянъ... **).

Такова аргументація Каутскаго. Необходимо замѣтить, что онъ въ разборѣ отношеній между крестьянами и рабочими совершенно опустилъ еще два пункта, въ которыхъ солидарность ихъ интересовъ является въ достаточной степени *непосредственною*. Во-первыхъ, высота общаго уровня заработной платы чрезвычайно важна для всякой крестьянской семьи, потому что она нерѣдко обращается къ разнаго рода отхожимъ, подсобнымъ заработкамъ —

*) Die Agrarfrage, S. 318.

**) Въдѣ если разобраться, такъ въ рядахъ „современнаго пролетаріата“, изъ которыхъ Каутскій изгналъ множество категорій рабочихъ, остается, главнымъ образомъ, именно эта „рабочая аристократія“.

въ томъ числѣ и къ фабричнымъ. То отдѣльные члены крестьянской семьи, не порывая съ ней связи, специально посвящаютъ себя фабричному заработку, то отправляются на него попеременно, спорадически. Состояніе заработной платы въ различныхъ отрасляхъ производства всегда представляетъ очень разнообразную и пеструю картину. Это не мѣшаетъ существованію нѣкотораго общаго уровня, такъ же, какъ переливы волнъ не мѣшаютъ существованію общаго уровня воды въ морѣ. Степень колебаній и высоты отдѣльныхъ волнъ опредѣляется своими частными условіями, но и общій уровень имѣетъ свое особое движеніе—слѣдствіе болѣе общихъ причинъ. Этого мало. Между оплатой труда одного качества и оплатой труда другого, высшаго или низшаго качества, существуетъ извѣстная пропорціональность, которая имѣетъ тенденцію сохраняться при одновременномъ движеніи вверхъ или внизъ всѣхъ платъ. Между рабочими платами различныхъ отраслей, говоря иными словами, есть извѣстное взаимодействие. И потому всегда, когда крестьянинъ обращается къ какому-нибудь подсобному заработку, онъ ощущаетъ на себѣ выгоды или невыгоды даннаго состоянія, даннаго уровня всѣхъ національныхъ заработныхъ платъ.

Во-вторыхъ, для рабочаго уровень крестьянскаго благосостоянія тоже не безразличенъ. Ничто такъ дурно не вліяетъ на величину его заработка, какъ количественный и качественный составъ „резервной рабочей арміи“. До сихъ поръ она рекрутировалась главнымъ образомъ изъ деревень, изъ бѣглецовъ земледѣлія. Чѣмъ сильнѣе шло разореніе крестьянъ, тѣмъ стремительнѣе оказывался приливъ свободныхъ рабочихъ рукъ въ города, тѣмъ обостреннѣе становилась конкуренція. Заработная плата начинала тяготѣть къ пониженію и требовались героическія усилія, чтобы удержать ее на прежнемъ уровнѣ. Съ этой стороны прекращеніе пролетаризаціи крестьянъ несомнѣнно въ интересѣ городскихъ рабочихъ.

На основаніи всѣхъ выше приведенныхъ соображеній мы и не можемъ согласиться съ окончательными выводами Каутскаго: „крестьяне имѣютъ общимъ съ пролетаріями только жизненный уровень, только степень благосостоянія, а не интересы“, а потому—если оставить въ сторонѣ временные союзы, которые въ исторіи возможны между самыми различными классами—какъ общее правило, они должны будутъ въ исторіи идти разными дорогами, и нынѣшній союзникъ завтра можетъ превратиться во врага *). Это только болѣе осторожная форма выраженія того, что нѣкоторые другіе изъ нѣмецкихъ марксистовъ высказываютъ

*) Die Agrarfrage, S. 310.

лснѣ и откровениѣ, напр.: „настоящіе крестьяне всегда будутъ нашими врагами“, „крестьяне, какъ классъ, должны будутъ враждебно противостоять намъ“. Это—возращеніе къ той старой, отжившей точкѣ зрѣнія, на которой Марксъ и Энгельсъ стояли въ сороковыхъ годахъ, когда они считали крестьянство безусловно реакціоннымъ элементомъ, а Энгельсъ даже предсказывалъ для пролетаріата въ нѣкоторомъ отдаленномъ будущемъ необходимость „подавить всеобщую крестьянскую войну“; когда еще перомъ того же самаго Энгельса не были написаны слова „Итакъ, мы рѣшительно становимся на сторону мелкаго крестьянина...“

На этомъ мы и кончаемъ анализъ главы „Bauer und Proletariat“. Но намъ остается еще просмотрѣть коротенькую статейку Каутскаго „Bauernschutz und Arbeiterschutz“, чтобы окончательно убѣдиться, до какой степени Каутскому измѣняетъ чувство самой элементарной справедливости всякій разъ, когда онъ говоритъ о крестьянахъ и отношеніяхъ ихъ къ рабочимъ; до какой степени систематически мѣряетъ онъ тѣхъ и другихъ различными аршинами. Эта статья является классическимъ образцомъ того, какъ подъ вліяніемъ узкой доктрины умный, талантливый, образованный, пронзенный гуманнымъ идеализмомъ авторъ теряетъ всякое чутье дѣйствительности, проявляетъ какую-то непонятную нравственную черствость и сухость, отсутствіе живой, сердечной любви къ брату-человѣку, къ страдающему труженику, который нуждается въ этой любви, нуждается въ дѣятельномъ сочувствіи, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кто-либо...

Нѣкоторые товарищи, говорятъ Каутскій, полагаютъ будто мы, выступая въ пользу дѣлага ряда мѣропріятій, охраняющихъ и защищающихъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ интересы рабочаго, должны совершенно такимъ же образомъ выступить въ пользу мѣропріятій, защищающихъ и крестьянскіе интересы. Каутскій полагаетъ, напротивъ, что защита интересовъ крестьянъ и защита интересовъ рабочихъ—вещи, въ принципиальномъ отношеніи существенно не одинаковыя и даже противоположныя до полной несовмѣстимости.

Послушаемъ доказательства. Когда мы выступаемъ съ защитой рабочихъ,—говоритъ Каутскій,—то мы этимъ самымъ становимся въ противорѣчіе со всѣми другими общественными направленіями и группами. Если нѣкоторые изъ нихъ и выставляютъ на своихъ знаменахъ защиту рабочихъ, то это происходитъ лишь подъ давленіемъ нашей конкуренціи, какъ актъ вынужденный, безъ достаточной силы, безъ серьезнаго отношенія (nur unwillig... schwächlich und ohne Ernst...) „Иначе обстоитъ дѣло съ защитой крестьянъ. Ея требуютъ *все другія партіи*; въ этой области мы

леніе и откровеніе, напр.: „настоящіе крестьяне всегда будут нашими врагами“, „крестьяне, какъ классъ, должны будутъ враждебно противостоять намъ“. Это—возращеніе къ той старой, отжившей точкѣ зрѣнія, на которой Марксъ и Энгельсъ стояли въ сороковыхъ годахъ, когда они считали крестьянство безусловно реакціоннымъ элементомъ, а Энгельсъ даже предсказывалъ для пролетаріата въ нѣкоторомъ отдаленномъ будущемъ необходимость „подавить всеобщую крестьянскую войну“; когда еще перомъ того же самаго Энгельса не были написаны слова „Итакъ, мы рѣшительно становимся на сторону мелкаго крестьянина...“

На этомъ мы и кончаемъ анализъ главы „Bauer und Proletarier“. Но намъ остается еще просмотрѣть коротенькую статейку Каутскаго „Bauernschutz und Arbeiterschutz“, чтобы окончательно убѣдиться, до какой степени Каутскому измѣняетъ чувство самой элементарной справедливости всякій разъ, когда онъ говоритъ о крестьянахъ и отношеніяхъ ихъ къ рабочимъ; до какой степени систематически мѣряетъ онъ тѣхъ и другихъ различными аршинами. Эта статья является классическимъ образцомъ того, какъ подъ вліяніемъ узкой доктрины умный, талантливый, образованный, пронпнутый гуманнымъ идеализмомъ авторъ теряетъ всякое чутье дѣйствительности, проявляетъ какую-то непонятную нравственную черствость и сухость, отсутствіе живой, сердечной любви къ брату-человѣку, къ страдающему труженику, который нуждается въ этой любви, нуждается въ дѣлительномъ сочувствіи, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кто-либо...

Нѣкоторые товарищи, говорить Каутскій, полагаютъ будто мы, выступая въ пользу цѣлаго ряда мѣропріятій, охраняющихъ и защищающихъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ интересы рабочаго, должны совершенно такимъ же образомъ выступить въ пользу мѣропріятій, защищающихъ и крестьянскіе интересы. Каутскій полагаетъ, напротивъ, что защита интересовъ крестьянъ и защита интересовъ рабочихъ—вещи, въ принципіальномъ отношеніи существенно не одинаковыя и даже противоположныя до полной несовмѣстимости.

Послушаемъ доказательства. Когда мы выступаемъ съ защитой рабочихъ,—говоритъ Каутскій,—то мы этимъ самымъ становимся въ противорѣчіе со всѣми другими общественными направленіями и группами. Если нѣкоторыя изъ нихъ и выставляютъ на своихъ знаменахъ защиту рабочихъ, то это происходитъ лишь подъ давленіемъ нашей конкуренціи, какъ актъ вынужденный, безъ достаточной силы, безъ серьезнаго отношенія (*nur unwillig... schwächlich und ohne Ernst...*) „Иначе обстоитъ дѣло съ защитой крестьянъ. Ея требуютъ *всѣ друія партіи*; въ этой области мы

вступаемъ не въ противорѣчіе, а въ соревнованіе, въ конкуренцію съ этими партіями, желающими консервировать нынѣшнее хозяйственное положеніе. При томъ же мы вступаемъ въ такую конкуренцію, при которой мы могли бы дать меньше, чѣмъ иные изъ нашихъ противниковъ, такъ какъ мы должны считаться съ интересами пролетаріата, которые ихъ не связываютъ“. „Въ одномъ случаѣ мы выступаемъ единственными защитниками дѣла, ненавистнаго нашимъ противникомъ, въ другомъ—пускаемся въ состязаніе изъ-за равной дѣли съ прежнимъ врагомъ, котораго не отягощаютъ ни теоритическія сомнѣнія, ни необходимость считаться съ интересами рабочихъ классовъ“.

Съ глубокимъ изумленіемъ останавливаемся мы передъ этими словами Каутскаго. Очевидно, это потому, что мы совсѣмъ не знаемъ Германіи. Мы и не предполагали, что это—настоящая мужицкая Аркадія. Какъ! Всѣ партіи—*всѣ*, такъ-таки прямо и написано *всѣ*—конкурируютъ, состязаются тамъ одна передъ другой въ стремленіи къ защитѣ крестьянъ. И конкурируютъ не такъ, какъ въ защитѣ рабочихъ, а „иначе“, слѣдовательно, не изъ тонкаго политиканства, не „вынужденно“ (unwillig), не кое какъ (schwächlich), а относясь къ дѣлу совершенно серьезно (не „ohne Ernst“). Мало того, въ этой конкуренціи они могутъ крестьянамъ больше дать чѣмъ Каутскій и К^о, ибо не отягощены, подобно послѣднимъ, ни теоретическими сомнѣніями, ни необходимостью считаться съ интересами рабочихъ классовъ“. Однако, неужели же имъ вовсе не приходится считаться съ интересами другихъ классовъ, хотя бы „не-рабочихъ“? И неужели эти интересы „не-рабочихъ“ не „отягощаютъ“, не „связываютъ“ въ дѣлѣ защиты крестьянъ? Трудно на первый взглядъ повѣрить, чтобы все это написалъ такой человѣкъ, какъ Каутскій, и мнѣ въ собственномъ интересѣ необходимо привести въ примѣчаніи подлинный текстъ хотя бы самыхъ странныхъ изъ этихъ заявленій и отойти въ сторону, умывая руки *).

Таково, по Каутскому, первое отличіе „охраны крестьянскихъ интересовъ“ отъ „охраны рабочихъ интересовъ“. Еще существеннѣе второе отличіе.

„Къ чему стремится наша охрана интересовъ рабочаго?“—спрашиваетъ Каутскій. „Къ защитѣ государствомъ рабочаго въ хозяйственномъ отношеніи (wirtschaftlichen Schutz)? Никимъ образомъ! Мы объявляемъ государственное внимательство въ эконо-

*) „Anders steht es mit dem Bauernschutz. Diesen verlangen *alle anderen Parteien* (что всего любопытнѣе, курсивъ подлинника!); auf diesem Gebiete treten wir nicht in *Gegensatz*, sondern in *Konkurrenz*... in ein Wettrennen zum gleichen Ziel mit dem sonstigen Gegner, den weder theoretische Skrupel, noch Rücksichten auf die arbeitenden Klassen belasten.“

мическій круговоротъ въ пользу хозяйственнаго существованія (zu Gunsten der wirtschaftlichen Existenz) рабочаго ненужнымъ, даже опаснымъ, пока существуетъ общее господство капитализма...*). Мы всегда пренебрегали снискивать дешевую популярность выставленіемъ требованій защиты экономическаго существованія (zum Schutz der ökonomischen Existenz) рабочаго, какъ, напр., гарантированный государствомъ минимумъ заработной платы, право на трудъ, требование государственной поддержки производительнымъ товариществамъ... Что можно и должно охранять отъ гибельнаго вліянія капитализма чрезъ посредство „защиты рабочихъ“—такъ это *физическую и духовную личность работника*“.

„Къ чему, напротивъ того стремится „защита крестьянъ“? Развѣ она обозначаетъ охрану физической и духовной личности крестьянина? Развѣ требуютъ распространенія фабричнаго законодательства на крестьянскія семьи, такъ же, какъ хотятъ ихъ распространенія на систему домашней промышленности? Развѣ хотятъ запретить крестьянину драть по двѣ шкуры со своихъ собственныхъ дѣтей (seine Kinder zu schinden), поручать своей женѣ опасныя работы, наконецъ, морить на работѣ самого себя до состоянія полного истощенія? Развѣ хотятъ предписывать для его жилищъ минимумъ кубическаго содержанія воздуха, чистоты и т. п.? На такую защиту крестьянъ мы, пожалуй, согласились бы съ удовольствіемъ (einen solchen Bauernschutz liessen wir uns wohl gefallen). Насколько послужила бы она намъ для приобрѣтенія популярности въ крестьянской средѣ, это другой вопросъ. Но наши сторонники „защиты крестьянъ“ не хотятъ знать ничего этого; то, чего они требуютъ, это вовсе не защита *физической и духовной личности* крестьянъ, но защита ихъ хозяйственнаго существованія. Итакъ, мы должны сдѣлать для крестьянъ то самое, чего мы не можемъ дѣлать даже и для пролетаріата!“

Проанализируемъ хорошенько эту аргументацію Каутскаго.

Во-первыхъ, правда ли, будто „охрана рабочихъ“ имѣетъ своимъ объектомъ лишь ихъ „физическую и духовную личность“, а не „экономическое“ или „хозяйственное существованіе“? Развѣ отказать отъ „минимума заработной платы“ и стараго, Луи-Блановскаго „права на трудъ“ есть уже отрицаніе всякой „хозяйственной“ защиты? Ну, а государственное страхование, страхование отъ несчастныхъ случаевъ, наконецъ, старости? Оберегаютъ ли оны только физическую и духовную личность рабочаго, или, го-

*) „Wir erklären das staatliche Eingreifen in das ökonomische Getriebe zu Gunsten der Wirtschaftlichen Existenz des Arbeiters für vergeblich, ja gefährlich so lange Kapitalismus in Staat und Gesellschaft herrscht, die Produktionsmittel Privatligenthum der Kapitalisten sind“.

раздо болѣе, *экономически вознаграждаютъ* его за ущербъ, нанесенный этой „физической и нравственной личности“ колесами капиталистической машины? Развѣ пожизненная рента престарѣлымъ, инвалидамъ труда не есть мѣра нѣкотораго обезпеченія именно ихъ „хозяйственнаго существованія“? Проводить сколько-нибудь послѣдовательно тотъ взглядъ, что при капиталистическомъ режимѣ нужно считать „государственное вмѣшательство въ экономическій круговоротъ въ пользу хозяйственного существованія рабочаго ненужнымъ и даже вреднымъ“—значить практически впадать въ своеобразное манчестерство, класть начало новой его разновидности—„соціаль-манчестерству“. Я уже не говорю о томъ, что запрещеніе дѣтской работы и ограниченіе женскаго и мужского труда—согласно Каутскому, образецъ „защиты духовной и нравственной личности рабочаго“—имѣютъ однимъ изъ своихъ результатовъ сокращеніе конкуренціи между рабочими и повышаютъ минимумъ заработной платы гораздо вѣрнѣе, чѣмъ то государственное его фиксированіе, которое просто-таки неосуществимо по чисто практическимъ соображеніямъ. И если, такимъ образомъ, государственное фабричное законодательство косвенно служить и „охранѣ хозяйственного существованія“ рабочихъ, то думаю, что это его лишній плюсъ, а вовсе не неизбежное зло, съ которымъ только можно примириться изъ-за благъ „защиты духовной и нравственной личности“. Далѣе, пусть мы отказываемся отъ государственной субсидіи товариществамъ; но сами эти товарищества, безъ субсидіи, развѣ они даютъ „въ первой линіи“ нѣкоторое обезпеченіе не *экономическому*, не *хозяйственному* существованію? Всѣ эти „Maisons de peuple“ вродѣ брюссельскаго, или предпріятія вродѣ принадлежащаго самимъ рабочимъ стекляннаго завода въ Альби, даже всѣ скромнѣйшія потребительныя общества—развѣ они не превращаютъ до извѣстной степени рабочихъ въ „хозяевъ“ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій? Да что и говорить! Я не причисляю себя къ „экономическимъ матеріалистамъ“, но признаюсь, что и для меня связь между всѣми сторонами общественной жизни кажется настолько сильной, настолько неразрывной, что я не представляю себѣ, какъ это можно сколько-нибудь серьезно охранять „физическую и духовную личность“ рабочаго, не охраняя параллельно его хозяйственного существованія, не обезпечивая его, поскольку возможно, экономически. Но какъ же можетъ себѣ это представить Каутскій, для котораго экономикъ—всеопредѣляющій фундаментъ, а все прочее—только надстройка?

А, между тѣмъ, именно на этомъ разграниченіи защиты „экономической“ отъ защиты „физическо-моральной“ покоится весь второй аргументъ Каутскаго противъ допустимости „защиты

крестьянства". Съ исходной точки падаетъ и выводъ. Однако намъ нужно рассмотреть также и тѣ мѣры „физическо-моральной“ защиты крестьянства, на которыя Каутскій соглашается „съ удовольствіемъ“. Въ этомъ „удовольствіи“ скрыта не малая доза ироніи по адресу противниковъ Каутскаго, марксистовъ-крестьянофиловъ, такъ какъ „насколько эти мѣры могутъ поспособствовать ихъ популярности въ крестьянской средѣ — это другой вопросъ“.

Первый пунктъ: запрещеніе крестьянину чрезмѣрно эксплуатировать своихъ семейныхъ, въ особенности дѣтей. Это предложеніе Каутскаго подчеркиваетъ снова и снова, что крестьянинъ — *Unternehmer*, что если у него не хватаетъ средствъ эксплуатировать чужого рабочаго, такъ онъ все-таки не хуже любого фабриканта эксплуатируетъ тѣхъ, кого можетъ, — не чужихъ, такъ членовъ собственной же семьи. Итакъ, прежде всего нужно защищать не *его*, а *противъ него* другихъ. Увы! случай, взятый Каутскимъ, неудаченъ, и ничего не говоритъ специально противъ крестьянина. Фабричный рабочій — не *Unternehmer*, однако же его *patria potestas* даетъ ему возможность иной разъ эксплуатировать своихъ дѣтей ужъ во всякомъ случаѣ не меньше крестьянина. Послушаемъ объ этомъ самого Маркса. Говоря въ первомъ томѣ своего „Капитала“ о томъ, что съ введеніемъ машинъ мускульная сила становится излишнею, и поэтому открывается возможность приложенія женскаго и дѣтскаго труда, Марксъ продолжаетъ: „основное условіе обмена товаровъ предполагаетъ, что рабочій и капиталистъ встрѣчаются, какъ личности свободныя... теперь же капиталъ покупаетъ малолѣтнихъ или не совсѣмъ полноправныхъ. Прежде рабочій продавалъ свою собственную рабочую силу, которою онъ располагалъ, какъ вполне свободная личность. Теперь онъ *продаетъ жену и дѣтей*. Онъ становится *торговцемъ рабовъ*“. „Сцены и разговоры во время этого торга поистинѣ возмутительны... возмутительныя наклонности родителей-рабочихъ напоминаютъ торговцевъ невольниками *). Поэтому фабричному законодательству „приходилось провозгласить права дѣтей. Къ несчастію — говоритъ заключительный отчетъ Ch. Empl. Comm. 1866 г. — изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній видно, что дѣти обоего пола нуждаются въ защитѣ всего болѣе отъ произвола своихъ родителей. Система неограниченной эксплуатации дѣтскаго труда вообще и домашняго въ особенности держится тѣмъ, что родители имѣютъ надъ своими малолѣтними дѣтьми безконтрольную, произвольную, необузданную власть... Власть родителей надъ дѣтьми не должна до-

*) Kap. I, 346—347.

ходить до того, чтобы они обращали ихъ въ простыя машины съ цѣлью полученія того или другого количества недѣльной платы... Поэтому дѣти и несовершеннолѣтніе имѣютъ право на защиту со стороны законодательства противъ злоупотребленій родительской властью, которая преждевременно разрушаетъ ихъ физическія силы и понижаетъ ихъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи^{*)}. Даже послѣ введенія соответственной статьи въ фабричное законодательство, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи, для обхода закона, наблюдалось, какъ система, преувеличеніе путемъ подлоговъ возраста дѣтей „для удовлетворенія страсти эксплуатациі капиталистовъ и потребности наживы самихъ родителей“^{**)}.

Итакъ, поскольку крестьянинъ можетъ „драть по двѣ шкуры“ съ собственныхъ дѣтей и жены, это вовсе не является результатомъ того, что онъ—именно крестьянинъ. Это приходится отнести вовсе не на счетъ его „фанатизма собственности“, какъ мелкаго производителя. Единственной причиною здѣсь является горькая нужда, которая одинаково дѣйствуетъ на него, какъ и на пролетарія. Съ этой стороны и слова Маркса, приведенныя выше, нуждаются въ нѣкоторыхъ оговоркахъ. Намъ, въ нашемъ привилегированномъ положеніи, конечно, не трудно клеймить „возмутительныя наклонности“, „необузданный произволъ“, „страсть къ наживѣ“ тѣхъ рабочихъ (а также и крестьянъ)—отцовъ, которые обращаютъ жену и дѣтей въ живыя машины. Но вѣдь, въ сущности, эта легкость зависитъ въ немалой степени отъ того, что намъ трудно поставить себя на ихъ мѣсто, понять, прочувствовать самимъ весь трагизмъ ихъ положенія. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, имъ чуждъ тотъ инстинктъ родительской любви къ своему дѣтищу, который не чуждъ даже дикому звѣрю? Конечно, отдѣльныя нравственныя уродства возможны, но вѣдь мы говоримъ о явленіяхъ общаго, массоваго характера, а не объ исключеніяхъ. А, какъ общее правило, развѣ отцы просто-на-просто строятъ на трудѣ своихъ дѣтей собственное благополучіе? Не идетъ ли скорѣе вопросъ о благополучіи — или даже не о благополучіи, а просто о существованіи — всей семьи, въ томъ числѣ и самихъ дѣтей? „Страсть къ наживѣ!“ Какой горькой проніей звучать для бѣдняка эти слова! Нѣтъ, когда дѣло доходитъ до торговли собственными дѣтьми, какъ невольниками, тутъ приходится думать не про „наживу“, а лишь *быть бы живу!*

Это не значить, конечно, чтобы не нужно было охранять права дѣтей. Очень нужно, и, напимѣръ, законъ объ обязатель-

*) Кап. I, 428.

**) Ibid., 347.

ности обученія является однимъ изъ средствъ спасенія физической и духовной личности ребенка. Нельзя только ограничиваться этимъ, нельзя, отнимая у бѣдняка одно средство борьбы за существованіе, отказываться дать ему какое-нибудь другое, т.-е. отказываться помочь ему *экономически*, согласно социаль-манчестерству Каутскаго. Покажите крестьянину другой исходъ, другой способъ житейской борьбы за лучшую долю, за непосредственное облегченіе своего положенія—тогда дѣло другое! И фабричные работники, если бы они не нашли иныхъ средствъ помочь себѣ именно въ *хозяйственномъ* отношеніи, до сихъ поръ бы „торговали невольниками“ и говорили всѣмъ филантропамъ — „руки прочь!“

Интересенъ второй пунктъ, второй видъ защиты крестьянина, какъ „физической и духовной личности“, по методу Каутскаго: „запретить крестьянину морить самого себя на работѣ до состоянія полного истощенія“. Это, конечно, очень хорошее, а главное, простое средство; столь же простое, какъ и тотъ рецептъ, который далъ расхворавшему бѣдняку-рабочему приглашенный имъ жрецъ эскулапа:

Мнѣ докторъ переважно тогда прописалъ
Гулять, отдыхать и кататься,
Да кстати совѣтъ утѣшительный далъ
Здоровую пищу питаться.

Когда же пациентъ задалъ въ отвѣтъ совершенно неумѣстный вопросъ, чѣмъ же ему жить — ученый мужъ очень логично отвѣтилъ, что это его не касается. Дѣло не доктора, а самого пациента найти себѣ такое занятіе, которое бы позволило выполнять всѣ указанія медицинской науки... Въ этомъ родѣ говорить и Каутскій. Положеніе крестьянина безусловно жалкое; но это не значитъ, чтобы крестьянину слѣдовало помогать. Нечего чинить разваливающійся домъ, изъ котораго просто нужно выйти и завести новое жилище. „Сохраненіе мелкаго производства въ земледѣліи, — говоритъ Каутскій, — это лучшее средство вырожденія населенія; поэтому мы не имѣемъ никакихъ основаній, со своей стороны, еще поддерживать такое жалкое существованіе“. Каутскій забываетъ, легко ли крестьянину—не единичному, конечно, а массѣ—замѣнить его чѣмъ-нибудь лучшимъ? И не придется ли при массовой пролетаризаціи крестьянъ многимъ распрощаться не только съ „*жалкимъ* существованіемъ“, но и вообще съ *земнымъ существованіемъ*?

Но перломъ всей „исключительно физическо-моральной“ охраны крестьянина является все-таки третій пунктъ: „предписывать для

его жилищъ минимумъ кубическаго содержанія воздуха чистоты и т. д. “.

Я затрудняюсь въ приисканіи словъ для критики... Бываютъ стихотворенія, на которыя никакія пародіи невозможны: они сами себѣ—лучшія пародіи... Здѣсь, кажется, даже слѣпой увидить, насколько разная у Каутскаго мѣрка для крестьянина и для рабочаго. Въ самомъ дѣлѣ, отсутствие „минимальнаго содержанія воздуха, свѣта, чистоты и т. п.“ наблюдается и въ жилищахъ рабочихъ; мало того, она принимаетъ перѣдко такіе угрожающіе размѣры, что разрастается въ цѣлый огромный, специальный вопросъ, которому давно дано и особое имя—„Wohnungsfrage“. Надъ проблемой этого „жилищнаго вопроса“ работаютъ многіе, работали и самъ Каутскій; много было придумано разнаго рода средствъ, но никто еще, кажется, не додумался до того, чтобы разрѣшить его по-просту, безъ затѣй, методомъ станovýchъ приставовъ — „предписать“ самымъ жертвамъ дурныхъ жилищныхъ условій, чтобы у нихъ было вездѣ чисто, свѣтовая площадь и кубическій объемъ помѣщенія—такіе, какіе предписаны врачебнымъ управленіемъ, и такъ далѣе. Но вѣдь у насъ рѣчь не о городскихъ рабочихъ, а о крестьянахъ—и вотъ почему „einen solchen Schutz wird uns wohl gefallen“!

Я боюсь, однако, что кто-нибудь отсюда сдѣлаетъ умозаключеніе, что Каутскій и въ самомъ дѣлѣ или просто самъ по себѣ нравственно черствый и несправедливый человѣкъ, или „ученый мужъ“ въ родѣ комическаго доктора въ цитированномъ выше стихотвореніи. Я боюсь, далѣе, что тонъ и характеръ моихъ критическихъ замѣчаній можетъ подрѣзывать такое отношеніе къ Каутскому. И я слѣшу сказать, что оно было бы глубоко несправедливымъ. Каутскій отнюдь не такой „комики“, Каутскій въ самомъ серьезномъ, а вовсе не въ проницательномъ смыслѣ ученый человѣкъ, Каутскій, какъ широкій идеалистъ, несомнѣнно, въ нравственномъ отношеніи высоко поднимается надъ обычной нормой. Онъ только логически-последователенъ, что, при невѣрности исходной точки, и приводитъ къ болѣе чѣмъ страннымъ выводамъ... Но попробуйте судить Каутскаго не со своей, а съ его точки зрѣнія. Припомните, что для Каутскаго крестьянинъ — это *Unternehmer als Kapitalist, als Fabrikant*. Согласитесь только съ нимъ на минуту — и всѣ его практическіе выводы будутъ не только не дикими, не только естественными и понятными, но даже единственно возможными по правиламъ логики. Каутскій желаетъ лишь распространить на деревню фабричное законодательство. Оно диктуетъ предпринимателямъ, капиталистамъ извѣстныя мѣры — минимальный рабочій день, минимумъ свѣта и воздуха въ помѣщеніяхъ, чистоту въ нихъ etc. Крестьянинъ—самъ свой капиталистъ, самъ предприни-

матель. Вотъ онъ, какъ всѣ предприниматели, и будетъ обязанъ, согласно *предписаніямъ*, занимать своихъ рабочихъ, т.-е. себя же, свою жену и своихъ дѣтей не дольше извѣстнаго времени и перестроить свое помѣщеніе по всѣмъ правиламъ науки (можетъ быть даже образовать изъ своей „предпринимательской прибыли“ страховой, инвалидный, школьный и больничный капиталы?). Какъ это отзовется на немъ, спросите, можетъ быть, вы? Да какъ бы ни отозвалось, это безразлично. Мало ли предпринимателей—и крупныхъ, и мелкихъ—разоряются или стоятъ наканунѣ банкротства! Тотъ и другой фабрикантъ можетъ быть несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ, еле сводить концы съ концами, запутаться кругомъ въ долгахъ, голодать, наконецъ—не прекращать же дѣйствіе фабричныхъ законовъ въ его мастерской, не позволять же ему поправляться на счетъ своихъ рабочихъ. Прилагая эту точку зрѣнія къ крестьянину, мы получимъ безукоризненно-логическій выводъ: нельзя крестьянину, какъ предпринимателю, въ конкуренціи съ крупнымъ производствомъ позволить держаться на счетъ себя самого, какъ рабочаго, или—говоря иными словами, словами самого Каутскаго: „*защищать крестьянина, какъ работника значитъ уничтожать его, какъ самостоятельнаго сельскаго хозяина (denn den Bauer als Arbeiter schützen, hiesse den Bauer als Lanbwirth ruiniren)*“.

Тѣмъ самымъ мы подошли вплотную къ третьему пункту, также отличающему, по мнѣнію Каутскаго, защиту рабочихъ отъ защиты крестьянъ. Законодательная защита рабочихъ есть лучшее средство устранить съ дороги такія производства, которыя стоятъ не на высотѣ своего времени въ техническомъ отношеніи и могутъ держаться лишь усиленной эксплуатаціей рабочихъ. Фабричное законодательство есть могучій факторъ промышленнаго прогресса, даже болѣе того—прогресса капитализма *). Иное дѣло — крестьянство. Что угрожаетъ его существованію? „Очевидно, развитіе экономическихъ отношеній, которое во всѣхъ странахъ съ современнымъ способомъ производства идетъ закономѣрно, однимъ и тѣмъ же ходомъ... Если защита крестьянъ можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ, такъ только одинъ: она должна обозначать противодѣйствіе экономическому развитію“.

Этотъ аргументъ Каутскаго прежде всего основанъ, какъ на истинѣ доказанной, на положеніи, что хозяйственное развитіе можетъ совершаться во всѣхъ странахъ и во всѣхъ отрасляхъ производства только въ одной формѣ — капиталистической; что

*) Ср. К. Марксъ, Капиталъ, т. I, стр. 417: „Но если фабричный законъ искусственно способствуетъ болѣе быстрому развитію мануфактурнаго производства въ фабричное, то въ то же время онъ ускоряетъ какъ *гибель мелкихъ хозяйствъ*, такъ и накопленіе капитала *въ немногихъ рукахъ* вълѣдствіе необходимости большихъ затратъ капитала“.

какъ въ индустріи, такъ и въ земледѣліи существуетъ „единный капитализмъ“, развивающійся закономѣрно, по опредѣленному масштабу; что, наконецъ, крестьянское хозяйство неспособно ни при какихъ условіяхъ развить изъ себя самостоятельную прогрессивную тенденцію. Каутскій исходитъ изъ этихъ положеній, какъ изъ доказанныхъ уже. Я лично ихъ не раздѣляю. Я, напротивъ, исхожу изъ трехъ совершенно иныхъ положеній: существуютъ различные мѣстные или національные типы цикловъ капиталистической эволюціи, въ зависимости отъ положенія страны на всемірномъ рынкѣ, мѣста, занимаемаго ею въ системѣ международного раздѣленія труда, времени выступленія на путь хозяйственного развитія и, наконецъ, силы переживаній старыхъ историческихъ формаций; что касается отдѣльныхъ отраслей производства, то въ земледѣліи болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, наблюдается преобладаніе капиталистической *формы* надъ *содержаніемъ*, эксплуататорскихъ, разрушительныхъ сторонъ капитализма надъ исторически-созидательными; на почвѣ кооперации, обобществленія снизу, свободнаго ассоціированія труда и собственности по инициативѣ самихъ землевладѣльцевъ возможна (наряду съ капиталистической) и не капиталистическая эволюція, сельскаго хозяйства; „и эта эволюція, сдавленная въ настоящее время растлѣвающимъ вліяніемъ господствующаго въ экономической области „купоннаго духа“, а кое-гдѣ и затхлою правовой обстановкой, пойдетъ полнымъ ходомъ впередъ, когда значеніе трудовыхъ элементовъ перетянетъ на вѣсахъ исторіи силу элементовъ полярно-противоположныхъ“. Вдаваться въ разсмотрѣніе трехъ этихъ спорныхъ пунктовъ, конечно, здѣсь неумѣстно *).

Разсмотримъ здѣсь поэтому только одинъ вопросъ: правда ли что защита крестьянъ не можетъ содѣйствовать экономическому развитію, даже понимая это развитіе въ узкомъ смыслѣ раціонализаціи хозяйства въ капиталистической формѣ? Вѣдь одно изъ самыхъ важныхъ препятствій такой раціонализаціи заключается въ чрезмѣрной легкости и выгоды поверхностной капиталистической эксплуатаціи въ самыхъ различныхъ формахъ: самаго ненормальнаго возвышенія арендныхъ цѣнъ, укороченія арендныхъ сроковъ, ростовщичества, спекуляціи крестьянскимъ хлѣбомъ въ „трудныя времена“, примѣненія дешеваго труда крестьянъ, для которыхъ наемка является лишь „подспорьемъ“, а не основнымъ фондомъ существованія. Къ тому же ведетъ произволъ землевладѣльцевъ, запускающихъ порою земли подъ лѣсъ ради охотничьихъ цѣлей и т. п.

*) Этой темѣ посвящена серія моихъ статей въ „Русскомъ Богатствѣ“
1 „Типы капиталистической и аграрной эволюціи“).

Рядъ мѣръ, которыя подорвали бы эти легкіе способы „накопленія капитала помимо реорганизаціи производства“, имѣли бы громадное прогрессивное значеніе для сельскаго хозяйства. Регулированіе арендныхъ контрафтовъ, въ смыслѣ платежа аренды исключительно изъ чистаго дохода хозяйства *), вознагражденіе арендатора за произведенныя улучшенія почвы, организація дешеваго кредита государствомъ въ противовѣсъ ростовщичеству и спекуляціи крестьянскимъ хлѣбомъ, обезпеченіе землею и средствами производства крестьянскихъ товариществъ и общинъ по экспроприаціи лежащихъ впускъ или плохо обрабатываемыхъ частными владѣльцами земель — вотъ эти мѣры. Онѣ сдѣлали бы невозможными худшія паразитическія формы капитализма въ земледѣліи, оставляя жизнеспособность лишь за такими капиталистическими хозяйствами, которыя держатся *раціонализаціей* земледѣлія. Болѣе того, онѣ поставили бы передъ всѣми крупными хозяйствами дилемму: раціонализація или уничтоженіе! И поскольку капитализмъ можетъ имѣть *raison d'être*, поскольку онъ можетъ выступать, какъ творческое начало, — постольку, не болѣе, онъ и развивался бы. Съ другой же стороны, мелкія хозяйства, освободившись изъ-подъ гнета грубыхъ, первобытныхъ формъ эксплуатаціи, могли бы также развить на свободѣ свои потенціальныя силы, испробовать безъ помѣхъ на опытъ свою способность къ экономическому развитію въ новыя формы. „Это уже давно понято большинствомъ идеологовъ труда въ разныхъ странахъ, которые выработали рядъ „аграрныхъ программъ“ въ указанномъ духѣ. Недостаткомъ этихъ программъ мнѣ представляется лишь ихъ половинчатость. Онѣ какъ будто боятся „согнать“ эволюціи капиталистической, боятся создавать, по мѣрѣ силъ своихъ, широкій фундаментъ для сознательнаго направленія трудового крестьянства, помимо капиталистическаго котла, къ формамъ обобществленной собственности и работы.

Такъ думаемъ мы. Не таково, однако, мнѣніе Каутскаго. Логически исходя изъ своей принципіальной точки зрѣнія, которая кромѣ „единаго капитализма“ знаетъ лишь „отжившія формы“, стоящія ему поперекъ пути, Каутскій приходитъ къ своему окончательному выводу, къ пратической морали всѣхъ своихъ теоретическихъ выкладокъ. „Такимъ образомъ, нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ изъ простаго созвучія послѣднихъ слоговъ (*Bauernschutz—Arbeiterschutz*) умозаключать, будто защита крестьянъ обозначаетъ перенесеніе общей идеи защиты рабочихъ съ индустріи на сель-

*) Т.-е. за вычетомъ изъ валоваго дохода, кромѣ издержекъ постояннаго капитала, еще нормальной заработной платы непосредственныхъ работниковъ суммы, необходимой для пропитанія арендатора.

ское хозяйство. Въ дѣйствительности, напротивъ, защита крестьянъ является прямою противоположностью защиты рабочихъ и съ послѣдней совершенно несовмѣстима (das gerade Gegenteil des Arbeiterschutzes und mit diesem völlig unvereinbar)“.

Что же можно сказать объ этомъ? Finis coronat opus...

Мы не случайно выбрали Каутскаго, какъ представителя той точки зрѣнія, которая, на нашъ взглядъ, является слишкомъ односторонней и узкой. Мы взяли его не только потому, что онъ человѣкъ выдающагося таланта, ума и образованія. И не только потому, что онъ сейчасъ—признанный теоретическій глава, глава того течения въ нѣмецкомъ марксизмѣ, которое уже давно пересажено на русскую почву. Правда, оригиналъ всегда предпочтительнѣе копій, тѣмъ болѣе, что не всегда и не всѣ копіи хорошо дѣлаются; но одно это еще не оправдало бы удаленія за границу искать изложенія той точки зрѣнія, съ которой можно встрѣтиться и дома. Нѣтъ, специально-нѣмецкая постановка вопроса имѣетъ за себя еще то громадное преимущество, что она обладаетъ всегда той законченностью и округленностью, которую не обладаетъ и по всѣмъ условіямъ не можетъ обладать русская постановка. Дѣло въ томъ, что всѣ наши споры обычно имѣютъ слишкомъ теоретическій и отвлеченный характеръ, они отрознены отъ живой связи съ практической жизнью и потому итоги ихъ не облекаются непосредственно въ плоть и кровь, не ведутъ къ ясной и опредѣленной модификаціи практическаго поведенія. Не то въ Германіи. Голосъ Каутскаго и любого изъ его товарищей, нынче раздающійся въ партейтагѣ или просто находящій свой отголосокъ на страницахъ журналовъ или газетъ, завтра встаетъ лицомъ къ лицу съ непосредственной жизнью въ ландтагѣ или рейстагѣ, при обсужденіи и рѣшеніи судьбы какого-нибудь законопроекта, касающагося непосредственно интересовъ крестьянскаго населенія. Понятно, что при такихъ условіяхъ всякая теоретическая мысль должна быть обязательно продумана до всѣхъ своихъ прикладныхъ, практическихъ выводовъ...

И поэтому, выслушавъ Каутскаго, мы можемъ охватить новую точку зрѣнія въ всемъ ея объемѣ. Нѣтъ ничего неяснаго, ничего недоговореннаго. Я знаю не только то, какъ она выглядитъ съ точки зрѣнія теоретической стройности и симметріи, но и къ чему она обязываетъ. Личныя свойства Каутскаго какъ нельзя болѣе содѣйствуютъ этому. Именно логическая послѣдовательность, неумолимая, безстрашная, не останавливающаяся передъ самыми, казалось бы, законными человѣческими чувствами и сим-

патіями, когда они стоятъ поперекъ дороги торжеству принципа, именно эта послѣдовательность и составляетъ силу Каутскаго. Впрочемъ, одновременно и силу, и слабость... Силу—потому, что это не эклектическая смѣсь стараго и новаго, а дѣйствительно единая стройная система, какъ бы высѣченная изъ одного цѣльнаго куска гранита. Слабость—потому, что быть послѣдовательнымъ, исходя изъ невѣрной точки зрѣнія, значитъ продѣлывать самому со своими взглядами убійственное *reductio ad absurdum*.

Только при такомъ цѣлостномъ и практическомъ сопоставленіи двухъ точекъ зрѣнія и возможенъ сознательный выборъ между ними. И, оглядываясь на весь логически пройденный нами въ этой статьѣ путь, мы заявляемъ съ полной убѣжденностью и энергіей: нѣтъ, мы рѣшительно отвергаемъ такую поправку къ нашей старой, испытанной формулѣ, которую болѣе четверти вѣка тому назадъ провозгласилъ Н. К. Михайловскій: интересы *народа*, какъ совокупности трудящихся классовъ, являющихся для насъ *народомъ* равно постольку, поскольку они воплощаютъ и представляютъ *трудовое начало*. Мы остаемся при этой формулѣ, потому что въ ней больше и широкой теоретической истины, и конкретной жизненной правды и—*человѣчности*.

Склады изданій:

С.-Петербургъ, Школьное и библиотечное дѣло.

Одесса, Книжный магазинъ Е. Распоповой.

Саратовъ, Книжный складъ губернскаго земства.

Самара, Магазинъ „Дрезденъ“, Г. Гиршфельдъ.

Пенза, Земскій книжный складъ.

Смоленскъ, Контора Днѣпровскаго Вѣстника, Е. Костюшко.

Москва, Мясницкая, Козловскій пер., д. Ермоловой, А. Д. Высоцкій.

Книгоиздательство „Новое Товарищество“

- Н. Черненко. Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства, 80 к.
 Ф. А. Бейерлейн. Вечерняя зоря, 35 коп.
 Гильдебрандт. Фома Мюнцеръ, 20 коп.
 В. Черновъ. Крестьянинъ и рабочій, какъ экономическія категории. Третье изданіе, 15 коп.
 В. Черновъ. Манистическая точка зрѣнія въ психологіи и социологіи, 15 коп.
 С. Закъ. Земля и капитализмъ. Второе изданіе. 25 коп.

Печатаются:

- Викторъ Черновъ. Нашимъ обвинителямъ Письмо бывшему товарищу Левинсону, 15 коп.
 Новоторжскій. Земельный вопросъ въ Россіи.
 Викторъ Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ.

Готовятся къ печати:

- Вандервельде. Аграрный вопросъ въ Бельгіи.
 Бахъ. Человѣчество и классовый инстинктъ, съ пред. В. Чернова.

Изданія В. РАСПОПОВА:

- А. Бахъ. Экономическіе очерки, 15 коп.
 Р. Р. Соціализація земли, 5 коп.

Книгоиздательство „КОЛОКОЛЬ“.

- П. Лавровъ. Кому принадлежитъ будущее, 30 коп.
 А. Бахъ. Экономическіе очерки, 15 коп.
 Приговоръ крестьянъ с. Маркова, Московской губ., 1 коп.
 Танъ. Новое крестьянство, 25 коп.
 К. Тарасовъ. Мировой ростъ и кризисъ социализма, 10 коп.
 В. Черновъ. Изъ практики социалистическаго движенія, 10 коп.
 П. Николаевъ. Личныя воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ, 15 коп.
 Ив. Вольный. На военной службѣ, 8 коп.

Книгоиздательство „МОЛОДАЯ РОССІЯ“.

- Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ, 10 коп.
 Подолянинъ. Классовая борьба англійскаго пролетаріата, 10 к.
 М. Рафаиловъ. О догмѣ и критикѣ теоріи и практики, 5 коп.
 К. Т. Мировой ростъ и кризисъ социализма, 10 коп.
 И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа.
 Составляются крестьянскія, рабочія и школьныя бібліотеки.

Условія:

Выписывающіе на сумму не менѣе 3 руб. (просятъ деньги впередъ, можно марками) за пересылку не платятъ.

На заказы до 50 коп., присчитывать 10 коп. на заказную бандероль.

Земскіе и частныя книжные магазины пользуются обычной скидкой. При заказахъ на сумму не менѣе 25 руб. (въ предѣл. Европейск. Россіи) по жел. дор. пересылка принимается за счетъ издательства.

Москва, Малый

Рл1436

В. Чернов